

ВИКТОР КАГЕРМАЗОВ

ОГНЕННЫЕ ЗНАКИ СУДЬБЫ

16+

Виктор Кагермазов
Огненные знаки судьбы

«Автор»

2018

Кагермазов В. К.

Огненные знаки судьбы / В. К. Кагермазов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11466-1

Подросток в школьные годы впервые увидел знаки над головами одноклассников, понять что это было сложно! Годы шли, а знаки, увиденные в подростковом возрасте, начинали сбываться. Как оказалось, это были знаки судьбы...

ISBN 978-5-532-11466-1

© Кагермазов В. К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Огненные знаки судьбы	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Огненные знаки судьбы

Пролог

Слишком уж много мистики и страхов было связано с деревянным обелиском, поставленным на месте гибели солдат в прошедшую войну, не говорить об этом люди не могли. Среди горожан постоянно ходили ужасные истории, связанные с этим на вид простым памятником. И эти страшные слухи, имели реальные подтверждения. Сам обелиск стоял, вначале парка, на небольшом пригорке, а парк, примыкал к центральной улице, от которой к городскому пруду, шла аллея, вдоль которой стояли высоченные пирамидальные тополя. Если смотреть с противоположной стороны улицы, где стояла вторая школа, открывался красивейший вид, особенно на закате солнца. Покрашен памятник был в синий цвет, наверху простенькая деревянная звёздочка. Состояние памятника было неважным, даже обветшалым, за прошедшие годы, от частой покраски, слой на слой, краска на нём не держалась и свисала лохмотьями, а сквозь трещины было видно, что доски уже порядком прогнили. И вот этот, скромненький памятник, наводил ужас на всех кто к нему подходил, ходили слухи, что если подольше возле него постоять, то можно услышать шёпот. Это было настолько жутко, что возле обелиска никто не задерживался, и даже ради того, чтобы понять, о чём говорит голос с того света, всё равно не останавливались, заранее переходили на другую сторону улицы. Возле него всегда было безлюдно, горожане даже проходить рядом с ним боялись. Исключением был один день, 9 мая, день победы, тогда возле памятника проходил митинг, было много народу, играл оркестр, звучали в микрофон воспоминания фронтовиков. Но как только праздник заканчивался, к обелиску опять никто не приходил, боялись. Были, конечно, попытки, особенно у подростков, постоять подольше возле памятника, но как только появлялся негромкий скрежет, будто кто-то из обелиска, так легонечко скребёт пальчиком, а затем начинал звучать тихий, жуткий, монотонный шёпот, все в панике убегали, были даже случаи обмороков. Однажды одного подростка еле откачали, он поспорил с друзьями, что простоит возле обелиска на расстоянии вытянутой руки, двадцать минут, да ещё ночью. Его друзья стояли поодаль и наблюдали, всё время беспокойно поглядывая на часы. Вдруг их друг вскрикнул и рухнул на землю, хорошо, что рядом со второй школой был телефон, сразу вызвали скорую, та, с воем сирен увезла спорщика, а как потом выяснилось, у молодого человека случился инфаркт. Вот так ему обошёлся глупый спор, который добавил ещё больше страха, перед неприметным обелиском. Но на пятнадцатую годовщину победы, было решено установить новый памятник, всё место вокруг загородили забором и приступили к работам. Перед тем как разобрать старый обелиск, рабочие, наслышанные от людей про жуткий мистический шёпот с того света, пошли и изрядно выпили спиртного. И только потом как можно быстрее стали разбирать деревянный обелиск. Но один из рабочих при этом очень сильно разорвал себе ногу гвоздодёром, кровь лилась так сильно, полевая земля под обелиском, что пришлось срочно рабочего везти в больницу. При этом бригадир, глядя на обломки памятника, мрачно сказал:

– Разве мало, здесь пролито крови!?

Этот случай добавил ещё больше жути этому месту, начали поговаривать, что памятник требовал крови, поэтому и слышался этот жуткий шёпот с мира мёртвых. Люди понятно всё переворачивали, усиливали нелепостью, но от этого непонимания страхи только усиливались. Через день, к загороженному месту прибыли три крытые тентом машины, с них подъёмный кран сгрузил огромные короба, затем начался монтаж нового каменного монумента. Рабочие справились быстро, и уже через пару дней, забор был убран. Перед взором горожан предстал новый памятник. Каменный воин, метров пять высотой, у его ног венки, рядом склонённая

в скорби женщина покрытая платком, воин в одной руке сжимал автомат, и сурово смотрел вперёд. Ещё через три дня к памятнику был подведён газ, и установлен вечный огонь, пламя горело в звезде, которая была расположена у подножья монумента. После установки нового памятника, шёпот как бы пропал, или его просто заглушало шипение огня, трудно сказать. Но появилось другое мистическое явление. Когда наступали сумерки, отблески вечного огня играли на серебристой форме война, а чуть позже происходило самое страшное, блики от огня поднимались всё выше и выше, к суровому лицу война, и вдруг, уже в полной темноте, его глаза вспыхивали огнём, казалось, что воин смотрит на вас кровавым взглядом. Вот с этого кровавого взгляда всё и началось!

Глава 1

Восьмой «В» класс учился во вторую смену, шёл последний пятый урок, за окном почти стемнело, но урок всё тянулся и тянулся, не заканчивался. Казалось, будто само время стало вязким, и выдавливается через силу, звуки с тройным эхом медленно плыли по классу, достигая дальних углов с большим опозданием, скрип от мела по доске то пропадал, то появлялся вновь, с долгими разрывами, напоминая звучание азбуки Морзе. В классе было тихо. Ученики распластались на партах, опустив головы на руки, вяло смотрели, как учительница географии Екатерина Мартыновна на доске записывала задание, многие, опустив глаза, делали вид, что переписывают задание в тетрадь, но все с нетерпением ждали звонка. Виталий устало смотрел в окно, на памятник, установленный в память о погибших солдатах в отечественной войне. Он ещё раньше заметил, когда блики вечно огня играют на лице воина, то урокам конец, в этот момент часы всегда показывали половина седьмого вечера. Вообще с этим памятником было связано много чего необычного. Если смотреть от школы, под определённым углом, то, около пяти часов вечера, памятник как бы увеличивался, становился огромным, виделся даже выше стоящих напротив пятиэтажек. Может, так казалось от того, что от городского пруда, от его водной глади, вечером поднимался тёплый воздух, и в этом плавающем мареве трудно было определить настоящие контуры памятника. Ещё чуть позже, памятник словно отрывался от пьедестала и парил в воздухе, и выглядел как большая серебристая глыба, на фоне темно-серого неба. Дальше он вдруг становился маленьким, казался, даже меньше чем был, как бы сжимался, свет в это время отражался лишь только на каменном венке, также выкрашенном в серебристый цвет. Этот световой эффект вызывал суеверный страх, венки мерцали, и зрительно казалось, что он дёргаясь судорожно кружит, описывает загадочные рваные круги. Но на этом мистика не заканчивалась, с приходом полных сумерек, отблески вечно огня, отражаясь от мраморной доски, играли уже в складках его большущего, тяжелого плаща, делая его похожим на гигантские оранжевые крылья, потом эти крылья вдруг вмиг слаживались, исчезали. На небольшое время блики пропадали совсем. Но потом начиналось самое впечатляющее, блики вспыхивали вновь, сначала в складках галифе, потом бежали вверх, как огненные сороконожки, отсвечиваясь в гимнастёрке, потом дальше, плясали на его тяжёлой скуле, в плотно сжатых губах, и наконец, ещё выше. И вдруг, на суровом лице воина, вспыхивали кровавые глаза, это зрелище было величественным, хотя и пугало до холода в спине, смотреть в этот момент на воина было невмозможным. Виталий боялся огненного взгляда, поэтому прикрывался ладошкой, оставив щелку между пальцев, и смотрел через неё, да и то, как бы мимо лица воина. Сегодня глаза, почему то не вспыхивали огненным светом, Виталий опустил руку под парту, достал из кармана часы и посмотрел, уже прошла целая лишняя минута, а ничего не происходило, в голове мелькнуло, а ведь звонка тоже нет, может часы отстают? Он вновь посмотрел на воина, прямо в глаза, и чуть было не вскрикнул от испуга. Прямо на него был устремлён кровавый взгляд, но на этот раз, глаза были совсем другими, и в них было выражение, как у живого. Виталию стало не по себе, отвернувшись, не смея больше смотреть на памятник, он стал смотреть в класс.

Вдруг его внимание привлёк Юра Даводин, над его головой, высветились два огненных кольца. А меж огненными кольцами, соединяющая их линия, но не прямая, а слегка наклонённая горизонтально, и ещё что— то над одним кольцом, не совсем понятное. Всё это видение было коротким, даже было похоже на такие же блики, что и на памятнике. Виталий подумал, что всё оттого, что долго смотрел на огонь, так бывает. Но дома всё же взял серую общую тетрадь, и записал в неё фамилию Даводин, а сверху нарисовал увиденные им на уроке знаки, уж очень необычными показались они ему.

На следующий день, и всё же решил удостовериться, ему показалось или над головой одноклассника и правда, проявлялись огненные знаки. В классе Виталий долго всматривался в лица одноклассников, выбирая, на кого посмотреть в этот раз. Когда подошло время последнего урока, он был напряжён до предела, прошёл на своё место за партой, сел, не с кем не говорил, и даже когда его друг, Саня Марицкий, подошёл к нему, и стал говорить что то смешное, он рассеянно ответил ему, что то невпопад. Саня недоумённо посмотрел на него, но ничего не сказав, пошёл на своё место в конец класса. За окном быстро темнело. Виталий под партой, на коленях держал в руке часы, то и дело, поглядывая на них, чем неоднократно вызывал замечания учительницы. В конце – концов, её терпение «лопнуло», и она вызвала его к доске. Он был настолько возбуждён, поглощён своей затеей, что не мог сосредоточиться для ответа, и просто ответил, что не знает урока. Учитель удивлённо вскинула брови, и, сняв очки, сказала:

– Ты и не знаешь? Ты же Азнов все викторины по литературе выигрывал!?! В чём дело?

– У меня болит голова, я не могу отвечать! – ответил он.

– Извините! – добавил Виталий, чтобы быстрее закончить объяснение с учителем, и не пропустить нужной ему минуты.

– А можно я отвечу? – подняв руку вверх, сказала Таня Сканевич.

Учительница согласно кивнула, указав рукой на классную доску. Виталий облегчённо вздохнул, а заодно решил, если Таня сама вызвалась отвечать, то на ней и проверю свою догадку, тем более уже два года сидим за одной партой.

За окном совсем стемнело, подходило нужное время, он теперь неотрывно, смотрел на воина. Когда блики вечного огня поползли вверх по статуи, поднимаясь выше и выше, к лицу, Виталия охватило сильное волнение, вроде бы что, каменный памятник, но было ощущение чего– то не реального, необъяснимого, в висках тикало, будто пробежал стометровку на скорости, дыхание стало тяжёлым, ему не хватало воздуха. Всё, половина седьмого, глаза война полыхнули кроваво – оранжевым бликом, показалось даже, что воин, гордо приподнял подбородок, словно говорил:

– Да это так!

Виталий посмотрел на Таню Сканевич. Над её головой появились два огненных кольца, таких же, как и над Юрой. Он успокоился, видеть простой оптический эффект. Но тут знаки вдруг резко поменялись, вернее, дополнились, через мгновение над головой одноклассницы явно проявились три огненных человечка, простенькие такие, каких обычно рисовали на листках тетрадей, из чёрточек и кружочка вместо головы. Первые два человечка были тусклее последнего, и ещё над первым человечком был небольшой квадратик, как махонькое оконце. Всё видение знаков длилось секунды три, может четыре, потом исчезло.

Виталий сидел обалдевший, его охватило оцепенение. Он не двинулся. В классе ученики суетились, было шумно, все собирались домой, торопились.

– Ну что ты идёшь? Уснул что ли? – спрашивали поочередно ребята с кем он обычно шёл со школы.

– Я догоню – буркнул он.

Когда все разошлись, и улица опустела, только редкие прохожие проходили мимо, нарушая тишину стуком каблучков. Виталий подошёл к памятнику, и стал пристально его рассматривать, будто видел первый раз. В ночи, да в одиночестве, памятник выглядел намного печальней, суровое лицо война казалось даже скорбным, и выражало всю трагичность потерь той войны, лишь мягкий шум вечного огня хоть как то разряжал застывшую печаль. Виталий ещё некоторое время постоял у подножия, словно ждал отгадки огненных знаков, потом медленно пошёл домой.

После этих случаев Виталий изменился, стал другим, по пустякам не смеялся, а голову его заполнили непростые мысли, и суждения не по его возрасту. Теперь ему открылось дру-

гое видение мира, более сложное, многогранное, детская беззаботность отодвинулась, как бы спряталась на

заднем дворе. В глубине души он понимал, что столкнулся с чем-то таинственным, необъяснимым. Из памяти всплыли, разговоры матери с приходящими к ней женщинами о разных необычных вещах, о колдовстве, о способностях некоторых людей заглядывать в прошлое или будущее. И если раньше Виталий воспринимал всё, как бабушкины сказки, то после случаев с памятником, все эти разговоры стали восприниматься совсем по-иному. Он и раньше знал от матери, что две её тётки обладали чем-то с родни колдовству, но думал это так, как говорится для красного словца. Теперь вот сам думал, рассказать матери про знаки, или промолчать, вдруг это всё не стоит её внимания, и пришёл к выводу пока не говорить, пусть дальше всё прояснится, чтобы было о чём говорить. На следующий день, придя в школу, он решил ещё раз удостовериться в том, что видел знаки. Подошёл к лучшему другу, Сани Марицкому, и сказал:

– Сань, тут такое дело, не знаю, как и рассказать, чтобы попонятней было.

– А ты говори как есть, что мямлить – просто сказал Саня.

– Ладно, слушай, в общем, когда заканчивался последний урок, я смотрел на памятник, вдруг, глаза его блеснули кровавым цветом, я шугнулся, и отвернулся в класс, взгляд случайно попал на Юрца, а у него над головой, знаки высветились, огненные, в виде колец и линии.

– Да ну тебя Вит! Так бывает от усталости глаз – иронично подметил Саня.

– Да нет Санёк, на следующий день над Таней Сканевич тоже высветились знаки, но уже другие, в виде человечков, помнишь, таких, как мы раньше рисовали в тетрадках на полях!? Может, ты сегодня сам проверишь? Когда глаза засветятся, ты сразу поворачивайся и смотри на кого не будь, поверх голов, лады?

– Лады! Что мне трудно, что ли!? – согласился Саня.

Когда подошло время, Виталий не спускал глаз с Санка, а как только прозвенел звонок, быстро подошёл к нему и спросил:

– Ну что? Что видел? На кого смотрел?

– Да ничего не было, я смотрел на Яна, как и договаривались. Просто над головой два тёмных круга, это скорее всего эффект как от картинок, помнишь по школе гуляли разные Моны Лизы, смотришь на них долго, потом на стенку взгляд переводишь, а там картинка вырисовывается. Так что не забивай себе башку, всё просто, как ясный день. Ну а ты, что видел?

Виталий некоторое время молчал, затем тихо, растеряно ответил:

– Да, были! Человечек огненный стоял на коленях, а в груди у него меч торчал.

– Но ты даёшь, Вит! Это наверно от того, помнишь, в шестом классе всё играли в игру? Рисовали человечков просто линиями и кружочек сверху, одну группу слева, другую справа, ставили ручку сверху одного человечка и надавливали на ручку в сторону противоположной группы, на кого попадал след прочерченный ручкой, тот считался убитым, и так до победы. Наверно у тебя эта игра запала, плюс усталость, забудь, всё чепуха!

– Да Сань, человечки и правда, такие, только огненные! Может ты и прав – согласился Виталий.

Но в душе он понимал, что всё не так, всё намного серьёзней, было досадно, что ему не кому объяснить, не с кем поделиться. А может всё-таки маме рассказать, она сразу всё поймёт, но подумав, решил больше никому ничего не говорить, просто записывать всё в тетрадь, а дальше видно будет, как поступить, так и решил.

Шли дни, в его тетрадке было уже два десятка фамилий, и над каждой были нарисованы красной пастой знаки. Но Виталия расстраивало, то, что зима заканчивалась, а с ней дни становились длиннее, блики от вечного огня на каменном воине, стали почти не видны. А сильнее всего огорчал слух о том, что памятник снесут к 9 мая, а сбоку от него поставят другой, современный и большой. Огорчало потому, что ещё треть класса была не записана в его тетрадке.

Тут ещё как назло он заболел, сильная простуда, в больницу его не положили, но прописали постельный режим. Больше недели он провалялся в постели с температурой, но как только ему стало легче, он засобирався в школу.

– Ты бы, Виталик, ещё пару дней дома побыл, не окреп, а уже в школу собрался, неужели, по школе так соскучился? – глядя на него, сказала мать.

Но вместо ответа, Виталий вдруг спросил:

– Ма! А настоящие предсказания бывают?

Лицо матери резко изменилось, оно стало не столько грустным, сколько сильно озабоченным, будто Виталий своим вопросом поставил тяжёлое препятствие перед нею. Она сдавлено, будто ей не хватало воздуха, сказала:

– Я, было, уже успокоилась, думала, что мои дети будут ограждены от всего этого, все шестеро даже словом не обмолвились про такое, а нет, ты вот седьмой интересуешься, и сразу про предсказания. Ну что же спрашивай, что вдруг тебя так озаботило?

Тон, которым говорила мама, и выражение её лица, сбили Виталия, и чтобы совсем её не расстраивать, он быстро сказал:

– Да нет, ма, это я так просто, гляжу на всех в классе, и думаю, ведь у них у всех судьбы по-разному сложатся!? Так, что то в голову пришло.

Мать изучающе посмотрела Виталию в глаза.

– Ладно, беги в школу, опоздаешь ненароком, время вон уже сколько. Да! И справку не забудь, на столе лежит.

Виталий схватил портфель и быстро выскочил из дому. На улице никого не было, это значило, что все ученики уже прошли, закинув портфель за плечо, он побежал. Добежав до железнодорожного переезда, повернул в сторону городского парка, за которым и находилась его вторая школа. Впереди, у пруда, по дорожке шли соседские мальчишки, но он их догонять не стал, и уже не спеша пошёл сзади. Ещё издали Виталий увидел, что старого памятника нет. Подойдя ближе, с сожалением посмотрел на пустое место, где вместо памятника, лежала небольшая кучка битого бетона, да всё вокруг было засыпано маленькими кусочками серебристой краски, словно кто-то очистил здесь огромную рыбину, и её чешуйки большущим пятном светились в лучах утреннего солнца. Он стоял среди этого огромного блестящего пятна, ему было горько. Так горько, как было давно, совсем давно, когда заболел, и его отправляли в больницу, совсем ещё кроху, а он, уткнувшись лицом в мамин живот, не видел ничего, кроме цветастого мамино платья, не слышал ничего, кроме маминых слов, которая пыталась его успокоить, плача сама. Никто тогда не понимал, что творилось у него в душе, в тот момент весь мир был против него, и даже мама, не могла забрать его с собой. И вот сейчас, стоя среди останков разбитого памятника, он испытывал похожее чувство, будто у него отняли, что доброе, давнишнее, своё. В школе через дорогу раздался звонок, Виталий с неохотой поплёлся в школу.

Глава 2

На урок Виталий всё же опоздал. Спросив у учителя разрешения, прошёл на своё место и сел. Настроения не было, он грустно уставился в окно, на то место, где раньше стоял каменный воин. На перемене подошли школьные друзья, хлопали дружески по плечу, выражая, таким образом, как они рады его видеть. Позже других подошли Саня Марицкий и Юра Даводин

– Привет Вит! Ну что, наотдыхался? – толкая его дружески, спросил Саня.

– Подожди, Санёк, дай сказать – перебил Саню, Юра.

– Вит, слушай я тут со своими предками поговорил, в общем, они не против, чтобы мы у нас в доме отметили восьмое марта, всей нашей компашкой. Всё-таки мы уже в восьмом классе, а ещё не раз толком не собирались, так, по-взрослому!

Виталий был расстроен, и всё не мог сосредоточиться, собраться с мыслями, он невнятно буркнул:

– И что? Мне то чего? Собирайтесь!

– Вит, что ты дуришь? Сдался тебе этот памятник, ещё о таком думать, вон рядом новый ставят, раза в четыре больше! Тут Юрец кайфануть предлагает, а он! – взорвался Саня Марицкий.

– Вит, что ты, правда, тормозишь, может ещё от болезни не оклемался!?! – недоумевал Юра.

– Ладно, давай всё по порядку, и что от меня требуется?

– Ну вот, доехал, наконец! – хлопнув его по плечу, обрадовано сказал Саня.

– Пока ты валялся, мы тут решили собраться у меня на восьмое марта, родаки, как я сказал, не против, даже наоборот, матушка обрадовалась. Конечно не всем классом, так своей компашкой, ты, Вовчик Буранов, Коля Хабин, ну и Санёк да я, из девчонок Наташка Селина, Ольга Гас, Люда Тиряева, Вера Сахина. Ну что, как мы придумали, только вот с музоном надо решить, и с записями, чтобы было больше разных бабин.

– С музоном не проблема, вы же знаете, что у меня магнитофон есть, да и с записями нет проблем, сестра уехала, записей, наверно с десятков бабин, и все по 500, четыре дорожки. Так что всё путём! Конечно, давайте соберёмся, тем более, как Юрец сказал, что мы уже не маленькие!

Виталий по-доброму усмехнулся и, положив руку на плечо Юры, спросил:

– Небось, всё из-за Людки, а?

При этих словах, Юра покраснел, смутился.

– Ну почему только из-за Людды? Ты же знаешь, что Вовчику, Ольга нравится, Саньку, вон Наташка – оправдываясь, сказал Юра

– Да ладно, шучу я, конечно, давайте соберёмся, это же здорово! – уже весело сказал Виталий.

– А что девчонкам подарим? – спросил Саня.

– Думаю карандаши, ну можно и авторучки! – с серьёзным видом ответил Виталий.

Все закатились смехом.

– Ладно, после уроков решим, что покупать будем, но думаю так, коль здесь было сказано, что мы уже не маленькие, то и подарки нужно дарить соответствующие ну, к примеру, по роскошному букету цветов, или духи хорошие – подытожил Виталий.

– Сказал тоже, духи хорошие, это где-то по червонцу надо, да и как ты говоришь, роскошный букет к восьмому марта, тоже не дешёво стоит – возразил Саня.

– Можно подработать, где не будь – предложил Юра.

– Нет, парни, это копейки, да и не успеем заработать нужные деньги. Я вот что предлагаю, вы что забыли, что у нас на краю есть цветопитомник? А там что? Цветы! А на днях что? Восьмое марта! Ну, смекайте дальше! Возьмём цветы там! – предложил Виталий.

– Ты что соли из ружья захотел? – с усмешкой спросил Саня, затем добавил:

– И не взять это, а стыбзить!

– Ладно, погнали на урок, потом всё решим – прервал спор Юра.

После школы всей гурьбой пошли по аллее, вдоль парка в сторону первой школы, чтобы не кому не было обидно, конечно оттуда не всем было одинаково до дому, но всё же это была как бы нейтральная территория. По пути скинулись, и купили за 16 копеек, булку ещё тёплого, серого хлеба, разломив его руками на куски, стали с удовольствием есть.

– Странно, но почему то этот хлеб вкуснее, чем дома, хотя тоже серый, и такой же – откусывая довольно от куска, сказал Вовчик Буранов.

– Это точно, намного вкусней – подхватил Саня.

– Ну да, тут мы купили ещё горячий, с жару, а дома уже остывший – вставил своё Юра.

– Нет, ребята, это от того, что этот хлеб вроде как добытый, а дома что, мама всё нарежет, подаст, а тут мы сами купили, разорвали на куски, на вроде охотников, добыли и съели, может, поэтому и вкусней!? – высказал своё по поеданию хлеба Коля.

– Вы все просто голодны, вот и вкусно, а то понесло, то, да это! – смеясь, добавил Виталий.

Остановились на перекрёстке, откуда всем надо было идти в разные стороны города.

– Слышь, Вит, давай вернёмся к тому, как мы цветы добудем, а то ведь времени до праздника осталось совсем мало, вдруг твой план неудачный, что тогда делать будем? – жуя хлеб, предложил Саня.

– Да всё просто! Коля с Вовчиком, будут дразнить собак, на лай придёт сторож, а ходит он медленно. Мы с Юрцом, вытаскиваем плоскогубцами гвоздики в одной из фрамуг в теплице, дальше, Юрец как самый маленький лезет внутрь, и нарезает цветы, я с Саньком на атаке с обоих углов теплицы, вот и весь план! – пояснил Виталий.

– Так рвать же намного быстрее – возразил Юра.

– Да конечно быстрее, но тогда поймут сразу, что это не их рабочие, их всегда режут секаторами – добавил Виталий.

– А если сторож в вас бахнет из ружья? – спросил Коля.

– Не бахнет, за забор ему стрелять нельзя, и даже солью, – ещё раз объяснил Виталий.

– Откуда ты всё знаешь? – с ехидцей спросил Саня.

– Да книги читаю, Санёк, и не только учебники! – бравадно ответил Виталий.

Все дружно рассмеялись. Ещё немного постояв на перекрёстке, и доев хлеб, каждый пошёл в своём направлении.

Дома преступив порог, и щурясь от яркого света, Виталий хотел было уже пройти к себе в комнату, но его остановила мама.

– Садись, поешь, только что котлет наделала, ещё тёплые в кастрюле укутаны стоят.

– Что – то не хочется, позже поем – вяло ответил он.

– Небось, снова хлеба натрескались всухомятку?

– Да купили булку серого, горячим умяли.

– Позже, так позже. Иди, положи портфель, хочу поговорить с тобой.

Виталий сходил в свою комнату, положил портфель, и мимолётом поглядел на полку в шкафу, где стояли книги, на месте ли его тетрадь, удостоверившись, что тетрадь там, вернулся в кухню, и сел на табурет, напротив матери.

– Слушаю ма, ты хотела поговорить со мной.

Мать некоторое время молчала, собираясь с мыслями, затем, медленно, подбирая слова начала говорить:

– Я знаю, ты не остановишься, и будешь всё равно интересоваться непонятными для многих вещами, и не только предсказаниями про судьбы людей. Слушай внимательно! Знай, у каждого человека, характер написан на лице, все, что у человека внутри, отражается на его лице. Чтобы тебе было понятно, приведу пример, допустим, на нашей соседке, тётки Катьки. Что у неё на лице? А вот что! У неё длинный, да ещё и вздёрнутый нос, тонкая верхняя губа, плюс узкий лоб, выраженные дуги бровей, плоский подбородок, хитрый прищур глаз, всё говорит, что перед нами вредный, вздорный человек, с которым лучше не общаться, и даже в знакомых не держать. Такие простого человека толкнут при возможности, зато перед начальством кланяться будут чуть ли не до земли. А вот другой пример, тётка Аня, мама Наташи Селовой, твоей одноклассницы, она полная противоположность. У тётки Ани правильное лицо, все черты лица соответствуют, нет неправильности, а главное выражение её глаз, доброе, в них порядочность сразу видать а, в общем, её лицо от этого и приятное, располагает к разговору. Самое главное, конечно же, глаза, к примеру, если они сдвинуты к переносице, так сказать, близко посажены, то от такого человека в любую минуту жди непредсказуемого поступка, и выражение в таких глазах чаще с хитрецей. Если же глаза, наоборот далеко расположены от переносицы, как бы к вискам ближе, такие люди чаще упрямы, даже часто глупы. Я это говорю для того, чтобы ты избегал в будущем ненужных людей. Мать замолчала.

– Думаешь ма, это мне пригодиться?

– Придёт время, всё тебе пригодиться, правда не знаю когда, но придёт это время, знай, чем больше ты будешь знать, тем трудней тебе будет жить с этим. Таким как ты, самооценка, бесконечные сравнения, поиск смысла в поступках, всё это не будет давать покоя, и будет жечь, даже через годы, чтобы занять нужное место в твоих мыслях, в цепочке твоих суждений.

Виталий слушал мать, а сам думал, откуда мама узнала, что у него в голове, что одолевает его, неужто чутьё материнское, или она всё же видела его тетрадь с записями.

– Ма, ты не переживай, я всё понимаю!

Мать посмотрела Виталию в глаза, и как то с сожалением сказала:

– Ох, как тяжело такой груз нести, ох как тяжело, ты это с годами поймёшь сынок! Ладно, иди, ребята уж засвистелись, только на дороге осторожней, машин стало как в столице.

На улице Виталий не стал играть со всеми в хоккей, просто в сторонке стал наблюдать, как играют остальные. Вообще после случаев с памятником, вернее после того, как он увидел огненные знаки, он изменился, стал в раз взрослее, уличные игры уже не увлекали, и мысли стали другими, более рассудительными, и речь стала иной, без подростковой игривости и прямолинейности. Он стоял и всматривался в лица играющих ребят, про себя делая простые заключения

– Этот азартен, а этот хитрец, вот тот, с тяжёлой челюстью, глуповат, а тот курносый, спесив – шёпотом говорил он, сам себе.

Вдруг ему стало так жалко, что снесли памятник, ведь с его помощью можно было определить над кем какой знак, а значить, скорее всего, и какая у кого судьба. Правда, Виталий не знал, как расшифровать некоторые знаки, где взять ключ, или, что послужит ему подсказкой к этой загадке. Вдруг ему пришла идея.

– Ребята! Ребята! Прервитесь на минутку, нужна ваша помощь! – громко крикнул он.

Все прекратили играть, и подошли к нему. Взяв клюшку у ближайшего из ребят, он нарисовал ею на земле два круга, затем соединил их наклоненной горизонтальной линией, затем спросил:

– Кто скажет, что это, или хотя бы на что похоже?

– Очки, какие то! – говорили одни.

– Да нет, это велосипед! – говорили другие.

– А что больше деталей нет? Так невозможно определить, что это точно! – заключили трети.

Слушая всех, Виталий для себя сделал вывод то, что это не очки понятно, тогда перемычка между кругами была бы строго горизонтальная, то есть ровная, и не велосипед, у всех велосипедов рама тоже ровная, за исключением дамских, у которых идут две наклоненных трубки, что же это? Как понимать? Скорее всего, похоже на мопед, над одним из кругов было что то, наподобие рожек у козы, жалко не успел запомнить.

Дома, лёжа в постели, в темноте, он мысленно представлял одноклассников и огненные знаки над их головами, пытался лучше понять, какие знаки для чего. Но этот эксперимент ему ничего не дал, только вымотал его. Уснул он очень поздно.

Глава 3

Утром наскоро позавтракав, Виталий взял портфель, и быстрым шагом направился в школу, но дойдя до середины улицы, остановился. Улица была пуста, он только тут вспомнил, что сегодня выходной. Вернувшись, домой, положил портфель, а сам решил сходить к цветопитомнику, разузнать, что, да как, есть ли в наличие цветы. Обойдя цветопитомник, с противоположной стороны, Виталий подошёл к железной калитке, и постучал. Сразу раздался лай собак. А спустя секунды к калитке уже мчались три дворняги, одна небольшая, размером с болонку, но вот две другие были крупные, почти как овчарки, и выглядели внушительно. Добежав до калитки, собаки ринулись в бок, и стали прыгать на сетку ограждения, казалось, они вот-вот перепрыгнут через неё. Он постучал в калитку ещё раз, собаки залились злобным лаем, доходящим до хрипоты, но всё равно никто не выходил. Тогда он взял камень и начал им тарбанить в калитку, вдруг собаки стихли и метнулись к сторожке, а вскоре в сторожке медленно приоткрылась дверь, и на пороге появился старик. Ему было на вид лет семьдесят, сутулый, и очень уж медлительный. Виталий громко крикнул:

– Можно вас на минуточку!

Сторож стал медленно подходить к калитке. Собаки вновь кинулись к Виталию с остервенелым лаем, старик прикрикнул на них, те смолкли и, виляя хвостами, пошли к навесу. Наконец-то сторож доковылял до калитки, и сипло спросил:

– Что тебе, малец?

– Скажите, а у вас кутята ещё остались? – спросил Виталий.

– Какие на хрен кутята, у нас одни кобели здесь, – недовольно ответил он.

– А мне сказали, что у вас кутята красивые есть!

– Нет, малец, нет никаких кутят, видать сдуру тебе кто то ляпнул.

Пока они разговаривали, Виталий всё подмечал, какое расстояния от угла теплицы, к ограждению, сколько метров от сторожки до калитке, сколько времени шёл старик к калитке, в общем, всё, что могло пригодиться.

– А что у вас в теплице, лук, петрушка? Продаётся? А то я маме скажу!

– Да какая тут петрушка может быть!?! Цветы у нас, и всегда были цветы, ты что приезжий, что ли!?

Виталий зацепился за невольную подсказку сторожа.

– Да, приезжие мы, не так давно из Сибири приехали. А цветы какие? Гладиолусы, что ли?

– Почему только гладиолусы? Тут у нас и тюльпаны, гвоздики, вот скоро даже розы будут.

Виталий продолжал придуриваться, играть роль наивного простака.

– Так у людей цветов в каждом палисаднике целые клумбы!?

– А это когда будет? В мае или июне? А цветы больше нужны к 23 февраля, да 8 марта.

Вот скоро восьмое, тут и мы, вовремя значит, цветочки по предприятиям и разошлём.

– А понятно! Ладно, если кутят нет, то я пошёл.

– Иди, шлёпай себе, только сон перебил – проворчал сторож.

Но прежде чем уйти, Виталий ещё раз внимательно осмотрел всё, есть ли штапики на тепличных фрамугах, где какие кусты растут, чтобы за ними можно было спрятаться.

Выходные пролетели как всегда быстро. В школе Виталий всё рассказал ребятам, а сам довольный, заключил:

– Так что седьмого вечером и пойдём!

– Нет Вит! Седьмого цветы уже срежут, так как восьмого они должны быть уже на месте, как бы на одни корешки не попасть – возразил Юра.

– Верно, Юрец я, что то и не докумекал – согласился Виталий, потом пошмыгав носом, добавил:

– А что Юрец от тебя бензином прёт?

– Ты чё? Каким бензином? У нас и техники никакой нет, и не было никогда! – ответил недоумённо Юра.

– Что-то тебе глючится Вит, нет никакого запаха – сказал Коля Хабин.

– Видать, правда, показалось – растеряно согласился Виталий.

Он ясно ощущал запах бензина, но спорить не стал, потому, как не смог распознать ещё одну подсказку судьбы, подсказку в виде запаха бензина, такую важную в судьбе Юры Даводина. Этот запах, как крючок, вытаскивал из глубины подсознания непонятные ощущения, такие, каких он раньше не испытывал, и сравнить эти ощущения было не с чем. Но тут раздался звонок, все сорвались в класс, а вместе с ними исчез этот необъяснимый запах. Начались уроки. На следующей перемене к Виталию подошёл Саня.

– Слышь, Вит, тут мне пришло в голову, а что если девчонкам по набору косметики подарить, в наборе есть всё, и тушь, помада, тени разные, всё так классно упаковано, прикинь, как мы их поразим, а? Как тебе? Да и по-взрослому выглядеть будет!

– Но наборы эти, небось, по червонцу, как минимум рублей семь, прикидываем на четыре, 28 рублей, или вообще 40. Ты чё, где же их взять!

– А мы с Юрцом уже подумали об этом, что если цветы утром на рынке возле школы разом сдать, на восьмое марта, цена хорошая. Думаю, хватит, конечно смотря, сколько цветов будет.

– А чё, шик! Девчонки в восторге будут! Я за!

Тут подошёл Юрец.

– Что секретничаете? О чём трёп?

– Саня мне всё о продаже цветов рассказал, я за! – ответил Виталий.

– Не, ну надо хоть по одному цветку оставить, – по-хозяйски предложил Юра.

– Лады по набору косметики, и по цветку, для эффекта, – подытожил Саня.

После уроков собрались на месте, где раньше был памятник. Было ещё светло, так, как дни стали длиннее.

– Ну что парни решено, завтра часиков в девять собираемся у нас на краю, возле электроподстанции, и не опаздывать – сказал Виталий.

Все согласились. Всё пошло, как и договаривались. В договоренное время собрались на углу, возле подстанции, перешли через железную дорогу, и направились в сторону виднеющейся стеклянной теплицы цветопитомника. Видя, что все напряжены, и волнуются, Виталий деланно, бравадно, произнёс:

– Главное спокойно, без паники, и не надо бояться. Помните? Как сказал герой в 12 стульях, живыми мы им не сдадимся!

Санёк хихикнул, он вообще не боялся, и шёл впереди, подтрунивая над остальными.

– Твои дурацкие шутки, Вит, сейчас не к чему – зло отозвался Вовчик.

– А если сторож откроет калитку и выпустит собак? – с беспокойством спросил Коля.

– Мы вас, почему самых быстрых на улице оставляем? В случае чего рядом с калиткой есть остатки старого фундамента под электропоры, добегаете и влезаете на него, ещё возьмите на всякий случай палки, только не машите ими, просто выставляйте вперёд. Если сторож собак выпустит, будет здорово, мы спокойно в теплице сделаем своё дело – объяснил Виталий.

– Но смотрите, собаки тоже разные бывают! – подтрунивал Саня.

– Слышь, «Старик», будешь вякать, сам пойдёшь дразнить собак – нервно выпалил в ответ, Вовчик. Видно было, что он побаивается.

– Всё, хорош вам трюндеть, приближаемся – беспокойно зашептал Юра.

По голосу было понятно, что ему тоже было, боязно, когда подошли ещё ближе, Юра не выдержал и сказал:

– Мне что-то стрёмно одному в теплицу лезть, может, кто со мной, давай ты, Вит, ты всё так гладко разложил, а сам на атасе стоять будешь!

– Нет, Юрец, на атасе должны стоять два человека, с каждой стороны теплицы, нужен полный обзор, чтобы не застали врасплох того, кто в теплице, если боишься, то я полезу в теплицу один, а ты останешься на атасе, – возразил Виталий.

Подошли к теплице. Коля и Вовчик отделились, и пошли в обход, на другую сторону, остальные перелезли через сетку ограждения и, распределившись, стали ждать условного свиста. Вскоре послышался скрежет по металлу, затем закатились лаем собаки, и только потом раздался свист.

– Умно! Парни дают нам задел времени! Погнали! – сказал Виталий, и плоскогубцами начал выдёргивать гвоздики из штапиков, держащих стекло. Вынув фрамугу, и оперев её на теплицу, он быстро юркнул внутрь. В нос резко ударил запах опрелости и тёплой сырости, а чуть погодя, нежный аромат сотен цветов. Он на коленках подполз к грядке с тюльпанами, и стал быстро срезать сочные стебли, нарезав штук тридцать, подполз к грядке с гвоздиками, затем к гладиолусам, дальше к другим цветам в дальний угол ползти не стал, чтобы не тратить время. Минут через десять – пятнадцать, он выбрался наружу, с большущей охапкой разных цветов, положив их чуть поодаль, и стал закреплять фрамугу гвоздиками обратно на место. Там, у калитки не переставая заливались злобным лаем собаки, слышался вялый стук палок о металл. Виталий крикнул совой, прибежал Саня, они взяли цветы и, нагнувшись, побежали к сетке ограждения, на другом углу теплицы к ним примкнул Юра. На всё у них ушло, может чуть больше двадцати минут. Вернувшись к месту, откуда и расходились до этого, Виталий крикнул ещё раз совой. Спустя минуту, другую, запыхавшись, прибежали Вовчик и Коля. Вовчик, ещё толком не отдышавшись, спросил:

– Ну как?

– Всё нормалёк! Всех делов то на двадцать минут! Всё валим отсюда! – довольно ответил Саня.

Вся компания направилась к Юре.

– Вы идите на угол, где собирались, а я сейчас коробки картонные принесу, не понесём же мы цветы так, открыто ночью – предложил Коля.

Стали ждать пока Коля принесёт коробки. Уложив цветы аккуратно по коробкам, Саня, Вовчик и Юра, отправились отнести коробки к Юрке домой.

– Надо только цветы сразу в воду поставить, чтобы не завяли – посоветовал уже уходящим ребятам, Коля.

– О! Сразу видно, у кого предки чем занимаются! – подколот его Саня, намекая на то, что Колины родители выращивали помидоры, и тоже в теплице.

– А, так среди нас кооперативщик-неповец, буржуин? – добавил Юра.

Все расхохотались, но скорее, от того, что спало напряжение после нервного дела, ребята были довольны, что справились, что прошло быстро и хорошо, а сторож даже не вышел из своей сторожке, спал старый. Настроение у всех было приподнятое. Разошлись по домам. На следующий день, подходя к школе, Виталий ещё издали увидел ребят стоящих у входа в рынок, который находился рядом со школой. Подойдя к ним, с тревогой спросил:

– Что-то случилось, неужели завал?

Они молчали, опустив головы, глядя себе под ноги. У него учащённо забилося сердце, в висках запульсировало, внутри, что то обмерло.

Но тут ребята вдруг разом рассмеялись.

– Чё, перепугался, а Вит? – сквозь смех спросил Саня.

– Ну, вы даёте, приколышки блин!?! Твои прибабасы, Санёк? – рассержено, даже зло, сказал Виталий, затем добавил:

– Что дальше делать будем?

– Очнулся Вит, мы цветы уже сдали, и купили вот что!

И Юра вытащил из кармана небольшую коробочку, чёрно-серую, блестящую, и торжественно её открыл. На солнце переливались несколько оттенков теней, ярко светила помада, темнела тушь для ресниц. У Виталия невольно вырвалось:

– Ого! Вот это класс! Когда успели?

– А ты бы больше спал! – хвастливо сказал Юра, но потом объяснил:

– Да ладно, не забивай башку, наборы я ещё вчера заказал соседке, она ведь в универмаге работает, правда просил под честное слово, а цветы вот сейчас с Саньком оптовикам сдали, остался пустяк, занести деньги соседке, ну это можно и вечером, после школы.

– Завтра девчонки офигеют от таких подарков, такие не у каждой тёти есть – подытожил Вовчик.

– Ну что, Юрец, во сколько собираемся у тебя завтра? – спросил Саня, довольно потирая ладоши.

– Думаю, часиков в семь подходите, а ты Вит с музоном пораньше подтягивайся, врубим заранее, когда девчонки придут, музон будет уже ломить во всю, меньше стеснятся, будут – ответил Юра, затем подумав, добавил:

– Только вот другим в классе ничего не надо говорить, а то начнётся, то да сё!

– Тогда лады, всё договорено – как бы подводя черту, сказал Вит.

Глава 4

Наступило восьмое марта. Виталий встал в хорошем настроении, привёл себя в порядок, затем подошёл к маме, немного помявшись, спросил:

– Ма, мы сегодня собираемся с одноклассниками, я не знаю, до скольки мы будем отмечать праздник, ты разрешишь мне пойти?

– Конечно, иди – просто ответила мать, на удивление ничего не спросив.

– Я ещё хотел магнитофон взять, можно?

– Бери, только аккуратней, это ведь сестре дарили, на день рождение.

Довольный, что мама так легко согласилась, и не стала расспрашивать его не о чём, он прошёл в свою комнату, и стал отбирать бобины с записями, которые хотел взять с собой на вечер. Подтанцовывая под игравшую музыку, он смотрел в окно, все его мысли были теперь о предстоящем вечере. Конечно, Виталий не знал, что этот вечер станет для него, не только одним из самых лучших, и запоминающихся в его жизни. Вечер, который оставит такой неизгладимый след, будет всегда в памяти, как что-то отдельное, чистое, как незамутнённая вода в горном ручье, как первый чистый снег, укутавший поутру, знакомые деревья. Праздник, который станет эталоном ощущений, на котором будет сплетения всех необыкновенностей, какие присутствуют только в чём то чудесном. Вечер, где наивное детство незримо передаст эстафету, пылкой юности. И ещё, в этот вечер, к Виталию придёт не только умение читать характеры людей по лицу, но и умение иногда предугадывать некоторые поступки, всё придёт вот так просто, в гомоне наивных разговоров, в движении трогательных танцев. Но, а пока, всё шло, как шло. Дождавшись шести вечера, Виталий достал свою серую тетрадь, и внимательно рассмотрел знаки, над кем они были, затем взял магнитофон и вышел из дому. На улице его уже ждал Коля.

– Что, Колян, тоже нетерпение жжёт?

– Есть такое дело, но я не поэтому раньше вышел, вдруг матушка передумает? Ты же знаешь её характер?

Виталий не ответил, отдал нести Коли бобины с записями.

– Ну что двинули? – бодро спросил он.

– Двинули! А может Вит, мне чего ни будь взять, ну вино, к примеру? – предложил Коля.

– Не надо! Уверен, Юрец всё предусмотрел. Думаю, он этот вечер давно задумал, и наборы косметики давно были заказаны, они со «Стариком» нас просто дурачили. Ладно. Я не против! А ты?

– А что я? Юрец с Марицким всё замутили, им надо, они втрескались в девчонок, а мне всё равно – ответил Коля.

– Послушаешь тебя Колян, и словно под метель попадаешь. От тебя холодом так и несёт, дед мороз блин!

Они не торопясь пошли в сторону улицы Темирязовой, где жил Юра. У ворот уже стояли Вовчик и Саня.

– А вы что не заходите? – спросил Вит.

– Да вот решили вас дождаться, все разом и зайдём – ответил Саня.

– Ну, пошли, что стоять у ворот!

В дверях их встретила тётъ Зина, мать Юры. Она суетилась, нервно потирала руки, и с интересом рассматривала каждого входящего из ребят.

– Здравствуйте ребята! Проходите, не стесняйтесь! Какие вы все сегодня нарядные, модные такие, проходите туда, в зал.

Вышел Юра, поздоровался, приглашая в комнату:

– Парни привет, проходите, а я уже полчаса «пасу» вас в окно!

Ребята сняли обувь и прошли в зал. Вдоль одной из стенок, стоял большой раздвижной стол, уже сервированный посудой, и частично накрытый некоторыми блюдами.

– Юрец, ты, почему не сказал? Девчонки помогли бы матери, неудобно как то, матушка наверно с утра возиться, вон, сколько всего наготовила, и думаю это ещё не всё!? – высказал Виталий Юре.

– Да ладно вам! Всё нормалёк! Она всё равно от помощи отказалась бы, ей ведь эта суета в радость, тем более я её любимый сыночек!

При этих словах, Юра деланно погладил себя по голове. Тут в комнату вошёл подвыпивший отец Юры. Юра сразу вспыхнул:

– Что ты припёрся? Иди к себе во времянку! Попробуй только испортить мне вечер, я тогда из дома уйду, понял!?

– Я что, просто поздороваться с ребятами, – оправдываясь, сказал отец, затем что то, жестикулируя руками, пошатываясь, ушёл.

– Жёстко ты с паханом – после затянувшейся паузы, сказал Саня.

– Да ну его, задалбал своей пьянкой, ладно парни, забыли. Вит, включай музон, там, в углу розетка есть. А ты, Колян, давай со мной, кое-что принесём.

Виталий подключил магнитофон, поставил бобину с записями группы Битлз, прошёл, и сел у окна.

– Наверно плохо, когда батя пьёт? – грустно сказал Саня.

– Не знаю Сань, у меня отец рано умер, я его не помню совсем, мал ещё был – ответил Виталий.

Тут зашли Юра, Коля, Вовчик, каждый нёс в руках по салатнице, всё это было поставлено на стол.

– Ну а горячее подадим, когда придут девчонки, всё уже готово – сказала вошедшая следом тётя Зина.

– Вит, а ты нашу музыку, русскую, взял? А то мало ли девчонки западное может, не слушают – беспокоясь, спросил Юра.

– Взял, взял, Юрец, не волнуйся, две бобины по 500 метров, 4 дорожечные, там и Синяя Птица, и Пламя, Самоцветы, так, что всего и не переслушать.

Стукнула калитка, послышались голоса девчонок, затем голос тёти Зины:

– Проходите, проходите, пожалуйста, ребята уже пришли, вас ждут. Вот здесь можете раздеться, сюда, проходите!

На пороге появились девчонки, стали кокетливо поправляться. У ребят от удивления округлились глаза, рты приоткрылись, они не как не ожидали увидеть своих одноклассниц, такими красивыми, и модными.

Первой в комнату вошла Люда, поздоровалась, смущаясь, поправила платье, и прошла к дивану. Выглядела она великолепно, волосы были завиты, и спадали крупными локонами на плечи, её причёска напоминала причёски красавиц 19 века. Подкрашенные тушью глаза, и так от природы большие, казались ещё больше, и были настолько выразительны, что придавали её лицу, что то гипнотическое, притягивали к себе внимание, тёмно-красная помада подчёркивала чувственность её красивых губ. На ней было короткое серебристое платье, без рукавов, приталенное, облегающее, так удачно подчёркивающее её фигуру, Люда выглядела так, будто только что сошла с обложки модного журнала.

За ней смело вошла Вера, по киношному кивая головой по сторонам вместо приветствия. У Веры была сделана модная причёска ветерок, поднятые кверху волосы, закреплённые лаком, поблёскивали, и выглядели и правда, будто их поднял лёгкий ветерок. Крупные, пухлые её губы, были покрашены более тёмной помадой и придавали лицу, легкомысленность, почти вульгарность. На ней была белая блузка с коротким рукавом, с бесчисленными чёрными пуговицами в ряд, идущими полосой через всю блузку к поясу. Узкая, чёрная мини юбка, обтяги-

вала покатые полные бёдра, и излишни, подчёркивала крепкую фигуру, почти уже взрослой девушки.

За Верой вошла Наташа. У Наташи была сделана стрижка каре, какие носили в томные тридцатые годы. Её глаза также были подкрашены тушью, и тоже очень ярко, а вот губы накрашены не были, от того глаза сильно выделялись на её бледном лице, казались хотя и грустными, но в них оставалась загадка, и что то далёкое романтичное. Одета она была в светло-голубую блузу, с вычерпнутым жабо на груди, и кружевным воротником, к блузке в цвет, синяя юбка, тоже по моде, мини.

Последней вошла Ольга, сделав показной реверанс, прошла к остальным девочкам на диван. Ольга не была накрашена, наверно от того, что от природы была слегка смугла, ресницы и брови и без того были чёрные. Волосы у неё были уложены на испанский манер, пучком на затылке, как у танцовщиц фламенко, одета она была в тёмно-красное платье, удлинённое, ниже колен, в котором Ольга и правда была похожа на сошедшую со средневековых картин испанку. Сходства добавлял чёрный выбитый платок, накиннутый на её плечи, и на груди, справа крупная чёрная брошь, скорее всего очень старинная, ещё бабушкина, необычной формы, в виде замысловатого цветка.

Ребята стояли ошеломлённые, они были полностью растеряны, увидев своих одноклассниц такими красивыми, и главное в раз повзрослевшими. Первым пришёл в себя Саня Марицкий, он метнулся в другую комнату, за ним Юра, они вернулись с цветами и подарками, и стали неумело, по-детски вручать их одноклассницам.

– А что, никто ничего и не скажет? – недоумённо, и как то по-взрослому спросила Люда.

– Так, все садимся за стол, быстренько! – на правах хозяина распорядился Юра.

– Можно я скажу! – выпалил отошедший от волнения Вовчик Буранов.

– Да! Да! Говори! – согласились все.

– Подождите! – перебил Юра, и быстро достал из-под стола бутылку пунша, налил из неё в приготовленные заранее бокалы, затем подавая бокал, сказал Вовчику:

– Теперь говори, Вовчик!

Девчонки переглянулись.

– Ого! Всё по-настоящему?

– Даводин, шалишь!?! – деланно строго высказала ему Вера.

Юра, улыбаясь, ответил:

– Мама сама разбавляла, здесь почти лимонад

Поднялся Вовчик, держа бокал в руке, стал говорить:

– Дорогие девочки! Поздравляем вас с восьмым мартом! Желаем успехов, хорошо закончить школу...

Тут Саня под столом стукнул по ноге Виталия и, наклонившись к нему, зашептал:

– Вит, скажи ты, а то Вовчик чушь детскую лопочет, давай сказани!

Виталий согласно кивнул и, встав, начал медленно, но уверенно говорить:

– Я хочу добавить к словам Вовчика. Девчонки, мы сегодня поражены вашей красотой, мы привыкли видеть вас в школьной форме, озабоченными уроками, и вот сейчас, вдруг, перед нами вы, такие разные, но такие красивые, самые красивые. Сегодня я вдруг понял, что ушло детство, тогда и желать вам буду соответственно. Хочу, чтобы вы были любимы в жизни, любимы всем сердцем, по-настоящему, а жизнь ваша пусть сложится на загляденье! За вас, с праздником!

– Ого! Вот это да! Вот это пожелание! Ну, ты Азнов, аж смутил! – поочерёдно, восхищённо говорили девочки.

Выпили пунша за сказанные слова. Кто-то стал, есть, другие негромко переговариваться.

– А я тоже хочу сказать, – Люда встала, взяв в руки бокал, и смотря Виталию в глаза, стала говорить:

– Спасибо ребята за подарки, очень клёвые. Но главное, за этот вот вечер, сегодня я ощутила себя, нет не взрослой, я почувствовала себя счастливой! А что касается любви!?

Она вдруг густо покраснела, сбилась, но всё же негромко закончила:

– Конечно, мы будем любимы! Ведь вы сами говорите, что мы такие красивые. А жизнь у нас только начинается, ура!

Все стали чокаяться бокалами, комната наполнилась приятным хрустальным перезвоном. Пока Люда говорила свои слова, у Виталия в голове звучало совсем иное. И смысл этих слов был совсем не весёлым. Эх, Люда! Если бы она знала, когда говорила приятные пожелания о своём будущем, что её жизнь сложится совсем не так. Она никогда не будет любима настоящим, и даже очень привлекательная её внешность, и добродушный характер не помогут стать ей счастливой. Люда никогда не выйдет замуж, у неё не будет своей семьи, не будет своих детей, вся жизнь её будет безликой, и главное совсем не долгой. Виталий пытался отгородиться от таких мыслей, но мысли ушли сами собой, как только Люда перестала говорить. Но, а пока, в этот прекрасный вечер, она радовалась, вся светилась своей красотой, довольная тем, как на неё смотрят ребята, ей это нравилось, она была счастлива, счастлива сейчас.

В зале становилось шумнее, все видать уже освоились, скованность отступала, и разговоры становились громче и непринуждённее. Виталий встал, прошёл к магнитофону, и включил уже заранее отобранную бобину с записями ВИА «Синяя Птица», зазвучала знаменитая песня «КЛЁН», её томная мелодия заполнила комнату. Как только зазвучала музыка, Юра встал и подошёл к Люде, пригласил её на танец, следом Вовчик пригласил Ольгу, затем Саня Наташу, оставалась лишь Вера.

– Колян, иди, пригласи Сахину на танец, что сидишь!?! – напористо сказал Виталий.

– Не, не пойду! – смущаясь, но упрямо ответил Коля.

Видя, что от Коли ничего не добиться, Виталий сам подошёл и пригласил Веру на танец. Из всех девочек Вера внешне выглядела не только взрослей других девочек, но и была самой острой на язык, и вполне раскрепощённой.

– Ну, на конец то, я уж подумала никто не решиться – иронизировала она.

В танце все смолкли, наверно слушали слова этой замечательной в своей простоте песни. А может каждый просто ушёл в свои мысли, или все стихли, боясь спугнуть свои необыкновенные ощущения, от первого в своей жизни танца в паре. Настолько возвышенного, что это чувство сбивало дыхание, чувства настолько волнительного, что редкие сорвавшиеся слова, наполовину недоговорённые, они таяли, переходя на сдавленный, горячий шёпот с хрипотцой. Иногда эти слова были сказаны просто так, не связанно, до конца не осознанно, и даже нелепы по своему содержанию, но всегда переполненные нежностью, и несозревшей страстью.

– Ты первый раз танцуешь с девушкой? – спросила Вера.

– Да, так первый раз – сдавленно ответил Виталий.

– То и видно, ты бы ещё на вытянутых руках от меня держался, – обиженно сказала Вера.

– Ничего, мы же первый раз танцуем, научимся! – парировал он.

– А я не первый раз, мы на день рождения Ленки Самоевой танцевали, и вообще, мы уже не раз собирались, правда девчонки одни, – горячо зашептала Вера, положив голову ему на плечо.

Песня закончилась, а с ней и танец, Виталий проводил Веру до стола, а сам пошёл к магнитофону.

– А я тоже хочу сказать свои пожелания! – сказала Наташа и, подняв бокал, стала говорить:

– Я также благодарю вас ребята за этот вечер, мне так хорошо, так здорово. В общем, так, когда я стану врачом, приходите все, я буду лечить вас по благу. А что касемо любви? Я как-нибудь справлюсь с этим! Пью за вас всех, мои дорогие одноклашки!

Было заметно, пунш хоть и слабый, но всё же потихоньку хмелил, кружил голову. После её слов раздался голос Сани Марицкого, «Старика»:

– Да, да! Приходите к ней ребята, и жучки, и паучки! Прямо, новый доктор Айболит!

И вновь в голове Виталия закрутились мысли, но теперь о судьбе Наташи. Опять прозвучали пророческие слова. Она действительно станет врачом, и действительно всех будет лечить, но животных, она будет врачом ветеринаром. В жизни Наташа и правда справится с любовью, она сама выберет себе мужа, жизнь у неё сложится неплохо, у неё будет трое детей, в общем, хорошая семья. Но жить, конечно, она будет не на холме, откуда всё видать, как доктор из сказки, а в простом домике на окраине небольшого городка. И вновь, как только Наташа перестала говорить, ушли и мысли о ней. Виталий теперь уже определённо понял, что эти мысли в его голове не просто так, и связаны они, с его знаками в тетради. А между тем вечер только разгорался, набирал нужной откровенности.

– И я хочу сказать – поднялся с бокалом Юра.

– Нет, нет! Танцевать, а потом говорить! – возразили девочки.

– Пусть скажет Юрец, если уже начал говорить – поддержал друга Саня.

Юра, слегка запинаясь, начал говорить:

– Этот праздник конечно для девочек, но и для меня этот вечер не просто так, я так долго хотел, чтобы мы вот так собрались, и именно у меня, потому, что скоро мы закончим восемь классов, многие уйдут из школы, кто в техникумы, кто в училища, и я в том числе.

Юра заволновался и сбился, затем медленно продолжил:

– Так хотелось, чтобы вы все пришли ко мне, особенно ты Люда.

При этих словах, он сильно покраснел. Покраснела и Люда. Все ребята знали, что Люда ему нравится, а вот для девочек это стало новостью. Юра в конец сбился, и концовку просто выпалил:

– В общем, за девчонок, за праздник, чтобы мы собрались у меня, вот в этом же зале, через пять лет!

Комната вновь наполнилась хрустальным перезвоном, подытоживая сказанные слова, подводя черту, и этот звон звучал как ответные слова, мол, хорошо, вы услышаны, ваши слова приняты. Кто бы мог подумать, что и на этот раз прозвучали пророческие слова. Да они действительно через полгода разлетятся по разным учебным заведениям, жизнь их закружит на новом, заполненном другими людьми пути, будет много чего впереди. Но самое главное, они действительно соберутся ровно через пять лет, и тоже в марте, и действительно у Юры, и даже в этой комнате. Но причина, по которой они соберутся, будет не радостная, а страшная, встреча полная скорби. А пока, Юра улыбался, и с неприкрытой симпатией смотрел на Люду, ища любого удобного случая, чтобы оказаться поближе к ней. Все веселились, вечер продолжался.

– Азнов! Виталий! Ну что там с музыкой? Ну, ка поставь там что-нибудь ритмичное, оживимся немного – громко сказала, до этого молчавшая Ольга.

– Нет! Нет! Танго, ещё танго! – не соглашались Люда и Вера.

Виталий в нерешительности замер у магнитофона

– Так что всё-таки ставить? – спросил он.

Голоса в пользу танго перевесили, Виталий включил песню ансамбля «Самоцветы», их ностальгическую песню про школьные года. Грустная мелодия вновь сбивала горячность, все как то разом стихли. Как только Виталий отошёл от магнитофона, к нему подошла Люда и пригласила на танец.

– Мне хочется с тобой поговорить – тихо сказала она.

– Да я уже понял, что поговорить – наклонившись к самому её уху, ответил Виталий. Его обдал стойкий, приятный аромат дорогих духов.

– Хорошие духи, такой классный запах, не то, что от разных «ландышей» и «сиреней».

– Это духи старшей сестры, ей парень её подарил, на «толкучке» покупал, у спекулянтов, французские. Мне таких пока не видать!

– Почему же? Ты только Юры намекни, он разобьётся, но купит. Ты хотела поговорить, о чём? Я слушаю.

– Ты, Виталий, какой то закрытый, сам в себе, хотя у тебя, взгляды и суждения более взрослые, чем у других ребят в классе.

– Ну и? Дальше! Не могу уловить куда ты, Люд, клонишь?

– Ладно, скажу прямо, тебе нравится, кто ни будь из девочек?

Виталий сделал вид, что не понимает, хотя сам прекрасно знал, какой следующим будет вопрос.

– Среди вас? Или вообще?

Люда в свою очередь, сделала вид, что не поняла, и промолчала, она только внимательно посмотрела ему в глаза, хотела понять, насколько правдиво отвечает ей Виталий.

– Вы мне все нравитесь, такие красивые! – и, сделав голос томным и загадочным, добавил:

– Румяные!

– Да ну тебя, что ты, в самом деле, прикидываешься, не понимаешь о чём я? Хочу, чтобы ты честно ответил мне.

– Ну что же, серьёзно так серьёзно, моя любовь ещё далеко!

– А ты откуда знаешь, что далеко, а вдруг она рядом!?

– Не знаю, откуда, но убеждён, что ещё далеко. Слушай лучше притчу про человека, который искал свою судьбу.

И Виталий с выражением, будто на сцене самодеятельности, стал рассказывать ей про древнего чудака, не хотевшего смириться со своей долей. Когда заиграла следующая мелодия, Люда вновь подошла к Виталию и, протягивая к нему руку, предложила:

– Пойдём, потанцуем, до расскажешь остальное.

– Люд, перед Юрцом неудобно, вдруг обидится, да и в основном мы обо всём вроде поговорили.

– Ладно, я через пару танцев опять тебя приглашу, уж очень мне про судьбу твой рассказ понравился. Тогда тебе уже никак не отвертеться.

Тут как из-под земли вырос Юра, взял её за руку и они пошли танцевать. Все снова разбились парами, Виталий вновь танцевал с Верой. Не танцевал лишь Коля, да и был он без пары, это подразумевалось с самой задумки вечера, знали, что ещё одну девочку приглашать бессмысленно, всё равно он танцевать не будет. Коля сидел, рассматривал журнал, и иногда смотрел на танцующих друзей. Были, конечно, догадки, что ему в тайне нравится Наташа, но он нечем это не проявлял, а может просто не хотел становиться между Наташей и Саней.

Глава 5

По настоянию всех, Виталий в очередной раз поставил бобину с записями ансамбля «Синяя Птица». Уже, в какой раз звучала песня «Клён», наполняя комнату грустью, заставляя всех, кто танцевал, замедляться так, что их движения были почти не видны, казалось, что пары просто замерли в приятном для них положении. Виталий продолжил танец с Верой.

– О чём вы так загадочно говорили с Людой? – спросила Вера.

– А что, любопытно? Она ведь сама тебе всё расскажет – ответил Виталий.

– Просто вы так говорили, со стороны казалось, будто в любви объяснялись, Юрка смотрел, так скулами и водил, наверно ревнует.

– А что ты так за него переживаешь, с чего бы?

– А я может, завидую им! Ты же не хочешь вот так дружить со мной!?

– Мы и так дружим... все, думаю и неплохо дружим.

– Да ладно тебе, будто не понимаешь о чём я? Только ты и я!

При этих словах она грудью прижалась к Виталию, чувствовалось, как сильно бьётся её сердце. Виталий раскраснелся, лицо горело, от волнения его слова срывались на высокие нотки.

– Мы совсем разные, Вера. Я меланхоличный, люблю мечтать, ты же наоборот, вся такая динамичная...

– Теперь скажи просто, без разных твоих заморочек! – перебила его Вера.

– Что же, ладно. В общем, пока я буду круг делать, ты уже два пройдёшь, мы всё время будем в разных точках, отсюда вывод, что у нас ничего никогда не будет получаться, не будет слаживаться в одно.

– Вот как! А вдруг ты ошибаешься, Азнов? И вообще, у тебя от прочтения ненужных книг, скоро в голове одни «бзики» будут!

Она обиделась, и замолчала, но как только закончился танец, подошла к столу, и громко сказала:

– А ну ка, Юрка, налей мне пуншу, я тоже сейчас сказану.

Юра налил в бокал, и подал ей, все смотрели на Веру.

– Так вот! – начала она говорить, я буду самой счастливой, у меня будет настоящий рыцарь, как в романе, он будет дарить всегда мне цветы, и с преклонённым коленом встречать у порога! Вот так!

Она сразу выпила всё содержимое бокала, при этом с вызовом смотря на Виталия. Снова комнату наполнил звон бокалов, будто подводя черту, и ты услышана. Как только Вера заговорила, у Виталия вновь в голове закружились мысли, но теперь уже о Vere. О том, что она будет самой не счастливой из девочек в классе, да и рыцаря у неё никогда не будет, а цветы ей будут дарить лишь на работе, по большим праздникам. Она будет всю жизнь дружить с одноклассницей Людой, и судьбы у них будут настолько схожи, своим несчастливым и так трагичным концом. И снова, как только она перестала говорить, ушли и мысли про неё.

Вечер всё разгорался, втягивая всех в откровения, отрывая все уголки их ещё наивных детских душ. Разгорячённые, с раскрасневшимися лицами, с бравадными речами, они были сейчас так радостны, и так счастливы. Ребята просто пылали, наслаждаясь своей свободой, что они вот так, первый раз сами, никто не руководит, никто не командует, не лезет со своими нравами. Они пьют пунш, говорят что хотят, и даже открыто про любовь, хотя и краснея при неудобных словах. Никто из них, конечно, не догадывался, что этот вечер станет для них, одним из самых счастливых вечеров в их жизни. Что больше они никогда не испытают таких необыкновенных ощущений, не будут так нежно, как дети, любоваться друг другом, что такое не повторится никогда, как в играющей на тот момент песни ВИА «Самоцветы». Но,

а пока вечер продолжался. К полуночи всё чаще играла медленная музыка, может пунш, всё-таки брал своё, а может девочкам просто нравилось танцевать парами, чувствовать на себе внимание ребят, быть в их несмелых объятиях. Закончилась очередная мелодия, и Виталий пошёл включить следующую.

– Подожди, Виталий, пока не ставь, – Вера повернулась к Юре.

– Ну, ка, налей!

Затем подошла к Ольге, и протянула бокал ей.

– На держи! Теперь говори ты, нечего отлынивать, мы все девочки, уже сказали, давай, теперь ты!

– Я не хочу! Я не могу говорить, – заупрямилась Ольга, но всё же подалась уговорам всей компании, и стала говорить:

– Ну не знаю, наверно мне, как и всем хочется, чтобы у меня всё было хорошо, чтобы были дети, хороший муж, в общем, полный набор! А за вечер, конечно спасибо, я его не забуду никогда, где бы, не была, даже в Америке! Спасибо вам мальчики!

Все чокнулись бокалами, комната вновь наполнилась хрустальным перезвоном, и вновь как бы была подведена черта, и ты, тоже услышана. Но видно и впрямь этот вечер стал не только замечательным, но и пророческим, все слова сказанные, в будущем превратятся в судьбу каждого, кто высказался здесь. И на этот раз, как только Ольга начала говорить, у Виталия пошли мысли о ней. Ольга, как она сама выразилась получит полный набор, получит мужа, а не любимого человека, жить она будет в общем неплохо, но слишком монотонно, и действительно этот вечер она будет помнить всегда, и даже живя далеко, правда не в Америке, а в Германии. Часто будет подходить к карте, висящей на стене, и смотреть на затерянный в огромной России городок, где прошла её юность, бережно глядя пустую коробочку от косметики, как самое дорогое, сохранённое с того самого вечера, затем по уже сложной традиции будет слушать песню «Клён», ансамбля «Синяя Птица». Но, а пока, она, как и все, веселилась. За полночь, все ещё сильнее замедлились, разговоры стали ещё тише, а движения совсем медленными. И только Вера не давала окончательно перейти вечеру в тихую томность, она громко смеялась, иногда, кого то подталкивала, всё время подшучивала над кем-нибудь. Закончился очередной танец, все расселись, кто сел за стол, некоторые на стоящий вдоль стены диван. Но передышки не получилось, Люда подошла к столу и, взяв бокал, постучала по нему ложечкой.

– Всё понял! – сказал Юра, и быстро, как заправский бармен, налил в бокал пуншу.

Люда подошла к Виталию, и протянула бокал.

– Теперь ты, Виталий, говори! Что ты желаешь!

Виталий взял бокал, обвёл всех взглядом, и стал говорить:

– Я хочу, чтобы вы все были счастливы. Чтобы видели в жизни главное, не отвлекались на мелочи, которые иногда кажутся важными....

Его перебила Вера:

– Ты говори, что хочешь для себя!

Виталий немного помолчал, собираясь с мыслями, затем продолжил:

– А что мне желать, у меня всё уже есть, просто будущее ждёт, когда я к нему приближусь, когда пройду все вешки времени.

Стало тихо, видно было, что все осмысливают сказанные им слова.

– То есть, поясни, Азнов! – с иронией в голосе, попросила Вера.

– А что тут пояснять? А что касается вечера? Вечер и правда получается очень хороший, даже скажу, необыкновенный! Согласен с Ольгой, помнить мы будем его всегда, как и наши школьные годы!

Виталий выпил пунш, и обратился к Юре:

– Что то, Юрец, бутылка у тебя безразмерная! Пьём, пьём, а она всё не заканчивается!

Все засмеялись, девочки, шутливо погрозили Юре пальчиками.

Слова Виталия хоть и не станут пророческими до конца, но он тоже будет всегда помнить этот вечер, такой необыкновенный, полный новизны ощущений, и каких, очаровательных в своей неповторимости. И чем дальше в прошлое будет уходить этот вечер, тем сильнее этот вечер будет превращаться в сказку, прелестную, но далёкую. Таких ощущений как на этом вечере больше не повторится, ощущений сродни тем, какие испытываешь глядя на лес в той поре, когда наступает золотая осень, с её неповторимостью, на эту метель из красок завораживающего вида, с меланхолией, нежностью, томностью, что только не почувствуешь, глядя на уходящую золотую осень. И вот, если эту золотую осень, соединить с весной, с её буйным цветением садов, многоцветием полей и лугов, с её напором и желанием, тогда можно было понять, что испытывал Виталий в этот вечер.

После танца, когда Вера направилась с бокалом к Коле, тот сразу замотал головой, и сказал, что говорить не будет. Как не упрасивали, Коля наотрез высказываться отказался.

– Ну что же, тогда ты у нас Санёк, заключительный! – протягивая бокал Сани Марицкому, сказала Вера.

Саня не стеснялся, взяв в руки бокал, чуть ли не срываясь на смех, стал говорить:

– А что умничать, конечно, мы будем жить как все нормальные люди, поженимся, дети там разные, ну и всё остальное, в общем, за вас всех, дай Бог не последнюю!

Все рассмеялись, протягивая бокалы, чтобы чокнуться с ним. И в очередной раз пока Саня говорил, у Виталия были мысли о нём. Да кто бы мог знать, что у Сани, обладающего острым умом, и хорошим чувством юмора, эти слова... дай Бог не последнюю, станут ключевыми в жизни. В голове у Виталия отчётливо звучали два слова... тоска и вино... тоска и вино. Саня уедет жить в другой город, но по жизни у него никогда не будет больше таких друзей как Вит, Юрец, Вовчик, себя в жизни он не найдёт, хотя у него и будет хорошая семья. Но, а пока, на этом вечере, он больше всех веселился, даже дурачился, сыпал остроумными приколами во все стороны.

Вечер продолжался, их вечер, который точно становился не похожим не на что, таинственный и судьбоносный. И кто бы мог знать, насколько слова и пожелания, сказанные каждым из них на этом вечере, станут для них противоположностью, будут исполняться с точностью да наоборот, и в том исполнении явно будет проследиваться рок.

Ну, а пока, все вновь пошли танцевать.

Украдкой, стараясь быть незаметной, иногда входила тётя Зина, она ставила, что то из съестного, в обмен брала пустые тарелки, и быстро уходила. Но там, за шторами, в другой комнате, она повернувшись смотрела в щелку между штор, на то, как веселится молодёжь. Чувства настолько переполняли её, что она не могла сдержаться, и по её щекам текли слёзы. Может, наблюдая за ребятами, она вспоминала свою молодость, и память уносила её в далёкое прошлое, в свои школьные годы, где её голубенькое простое ситцевое платьице, приравнивалось чуть ли к богатству, где было столько мечтаний...

Вдруг музыка оборвалась, раздались голоса девочек, что пора собираться домой. Тётя Зина, поставила пустые тарелки, и вышла на веранду, к вешалке с вещами. Там, сыпля остроумными, одевались ребята, следом стали одеваться девочки. Когда девочки стали выходить во двор, мать Юры, коснувшись руки Люды, попросила:

– Люда, задержись, пожалуйста, на минутку.

Все вышли во двор, было слышно, как ребята весело говорили, шутили. Тётя Зина глабоко вздохнула, и стала неуверенно говорить:

– Знаешь, Людочка, ты не смотри, что Юра небольшого роста, это пока, его ведь старший брат, тоже сначала был невысокий, это всё временно, он позже нагонит в росте.

– Ну что вы, тётя Зин, я про это и не думала – успокаивала её, Люда.

– И ещё, Людочка, главное, не отказывай ему в дружбе, очень прошу тебя, он такой ранимый, я так переживаю за него.

Люда взяла руку тёти Зины, ещё раз убедительно сказала:

– Всё хорошо, не волнуйтесь, я буду с Юрой дружить!

Люда вышла к остальным, ребята ждали её уже за калиткой, на дороге. Шли молча, наверно всем было жаль, что их прекрасный вечер закончился. Сначала провожали девчонок.

Первой заговорила Ольга:

– Какой всё-таки замечательный вечер, я чувствую себя так здорово, теперь понимаю барышень, попавших первый раз на бал.

– Ну, ты Оль, сравнила, там же БАЛ! – возразил ей, Юра.

– Наш вечер, лучше любого бала, там столько дурацких правил и ограничений, так сказать этикет, а мы веселились от души, как хотели! – подхватила разговор, Люда.

– Мне так жаль, что вечер закончился, аж плакать хочется – грустно, с растяжкой сказала, Вера.

– Да ладно вам, тут всего чуть-чуть до окончания школы, после экзамены, ну а потом, как закатым вечером, ещё клёвей этого! – пытался поднять девчонкам настроение, Саня.

– Конечно, может выпускной после восьмого и прикольной будет, но волшебства такого, больше не повторится – то ли возражая, то ли соглашаясь, сказал Виталий.

– Какое правильное слово, вол – шеб – ство! – мечтательно протянула, Ольга – я вместо туфельки, обязательно сохраню эту коробочку от косметики.

– Блин! Прямо как у Золушки, всё исчезло, все разбежались – досадно выпалила, Наташа.

– Но мы то не разбежались, мы то, принцы, возле вас – иронично сказал, Юра.

Все дружно рассмеялись. Ещё долго они стояли на углу улиц, где жили девочки, шутили, сыпали остротами. Да действительно это будет лучший праздник, который они отметили вместе, а может и вообще, самый лучший, где они могли ещё как дети, говорить всё, без утайки, без всевозможных условностей, могли быть наивными, открытыми для прямых, иногда не совсем тактичных слов. Этот их вечер образно можно было сравнить, с красивейшей тёмно-красной розой, в сугробе чистейшего первого снега, будто сквозь лёгкий первый холодок, доносится тонкий, еле уловимый, томно – обволакивающий, кружащий голову, аромат этого цветка свиданий.

Глава 6

Прошло три года. За это время многое изменилось. В волнении прошли экзамены в школе, большинство учащихся из восьмого «в» класса, дальше, в девятый класс не пошли, а разлетелись по разным учебным заведениям. В их родном городке, своих учебных заведений не было, так что многие разъехались по ближайшим городам. Виталий, Саня и Наташа поступали учиться в город Прохладный, который был от их городка в 55 км, Наташа на ветврача, а Виталий с Саней на гидротехников. Наташа поступила сразу, а ребята экзамены сдали, а вот по конкурсу не прошли, баллов не хватило, пришлось возвращаться домой. Но дома Виталия ждала плохая новость, на следующий день после их возвращения с Прохладного, с утра пришёл Санёк, грустный, даже мрачный, и сказал, что они переезжают в город Кумск, так как его отца повысили по службе, и им надо через несколько дней уезжать. Виталия эта нехорошая новость очень расстроила, ведь Санёк был его единственным настоящим другом, с ним он сошёлся характером, они полностью понимали друг друга, и даже шутили, похоже. Друзья долго молча сидели во дворе у Виталия, осмысливая происшедшее. Этот разрыв дружбы поневоле, не зависящий от них, сыграет в их судьбах отрицательное действие. Люда поступила на технолога в город Пятигорск, жила в общежитии, и приезжала лишь на выходные. Юра пошёл учиться на экскаваторщика, в училище в Нальчике, этот его выбор настолько удивил одноклассников, что при встрече они всё время, не понимая спрашивали, действительно ли он пошёл учиться в ПТУ. Коля поступил в политехнический техникум, на приборостроение, ездил в Нальчик на электричке каждый день, так как его родители не соглашались, чтобы он жил в общежитии. Вовчик, как и предполагали, пошёл в спорт, играл в футбол за местный клуб, а заочно учился на тренера. Вера работала на заводе в электроцехе, по сборке каких-то приборов, учится, она никуда не пошла, не захотела. Оля окончила курсы и работала бухгалтером в автопредприятии. В общем, разбежались, разлетелись, как они и говорили на том, теперь уже далёком вечере, в честь праздника восьмого марта.

Глава 7

Виталий сидел за насыпью железнодорожного полотна, на небольшой полянке, что тянулась неширокой полосой, между железной дорогой и металлической сеткой ограждения цветопитомника, жёлтый костёр. Было уже поздно, но домой идти не хотелось, после того, как он бросил ходить на работу в деревообрабатывающий цех, завода ЖБИ, где трудился плотником, отношения с родными совсем испортились. Мать всё время упрекала его, приводила в пример соседских парней, которые учились или работали, и были по её мнению, хорошими ребятами. Это его злило.

Было уже поздно, вокруг не души. Он подбросил в костёр дров и, укутавшись в старое, оставшееся ещё от старшего брата, не по размеру пальто, опёршись спиной на сетку – рабицу ограждения питомника, смотрел вверх, как в огромное чёрное небо, поднимается столб искр от костра. Поднявшись на десяток метров ввысь, искры гасли, за ними поднимались следующие, потом ещё, и ещё. Виталий глядел на эту карусель из искр, вокруг было тихо, ничто не мешало ему думать о своей жизни. Вдруг послышался характерный звук от сползающей с насыпи щебёнки, затем шум шагов, и из темноты появилась приближающаяся фигура. Это был Арслан. Они раньше учились в одном классе, потом Арслана перевели в другой класс, хотя жили они на одной улице, но почему то раньше мало общались, у каждого была своя компания.

– Привет! – Арслан протянул руку.

– Привет, Арс! – протянул в ответ руку, Виталий.

– Ты, чё здесь один? – спросил Арслан.

– А что? Мне и одному кайфово! Вон костерок горит, тепляк.

– Я могу сходить за картофаном, похаваем – предложил Арслан.

– Да нет, не надо, уже наверно часов одиннадцать, – отказался Виталий.

– Уже больше, в одиннадцать я ещё был на «колхозе».

– Что тебя ночью на «чужой край» занесло? – спросил Виталий.

– К кентам ходил. Дома не хочу сидеть, пахан достал уже, придёт бухой, и давай, разную херню нести. Я у него, и бандит, и бездарь, в общем, полный завал – пожаловался в ответ Арслан.

– У меня конечно не так жёстко, но тоже что-то похожее, надоело!

Они замолчали, думая каждый о своём, выставляя вперёд к костру ладони, когда ладони нагревались, разворачивали их другой стороной.

– Слушай, Вит, давай завтра я принесу картофана, а на тебе костёр, посидим картофан спечём.

– Давай, я только за! – ответил Виталий.

Отвечая Арслану, он невольно посмотрел на него. Над головой Арслана чётко просматривался огненный знак, лежащий человек, а над человеком огненные извилистые линии. Такие же знаки посылал памятник война ему раньше, ещё в школе. Виталий вздрогнул, вскочил на ноги, и стал озираться по сторонам, в глазах его был испуг, он пытался в темноте, что то разглядеть.

– Ты чё? Что с тобой, Вит? Чё ты подорвался? Кого то увидел?

– Нет! Так, искра обожгла – соврал он, затем добавил:

– Ладно, давай, до завтра, как стемнеет, я буду здесь.

Виталий быстро ушёл, даже не подав Арслану руку, наверно просто забыл, от того, что творилось у него на душе. А на душе было полное смятение. Он ведь думал, что знаки исходят только от памятника война, а тут знаки проявились сами, как это понимать!?! Ему было страшно. Кто тот неведомый, что контактит с ним? Почему именно с ним? Почему знаки не понятные до конца, и их надо расшифровывать? Почему раньше шли только от война, а

теперь проявились просто у костра, в полной тишине? Одни вопросы, где же искать ответы? Дома Виталий достал свою серую тетрадь, открыл чистую страницу, и записал в неё фамилию Арслана, а над фамилией нарисовал увиденный сегодня огненный знак.

На следующий вечер, взяв пустой старый мешок, он отправился в ЖБИ, в плотницкий цех, где раньше работал. Сторожа его все знали, и пропустили на территорию без проблем, так что у бункеров со стружкой, он набрал полный мешок обрезков и, перекинув мешок за плечо, отправился на место, где всегда жёг костёр. Когда разжёл костёр, уже почти стемнело. Виталий уселся как всегда, упёршись спиной в сетку ограждения, и стал ждать Арслана. Прошло уже наверно около часа, как стемнело, но того всё не было.

– Балабол, никому верить нельзя! – сплёвывая, злился Виталий.

Но тут послышались голоса, и тот же характерный шум сползающей щебёнки с полотна путей. К костру с насыпи ЖД путей спустились двое. Арслан привёл с собой Алима. Виталий, конечно, знал и Алима, на одном «краю» всё-таки жили, но почти никогда с ним не общался, наверно потому, что Алим был младше, года на два.

– Здоров, Вит! – протянул руку, Алим.

– Привет, Чари! – назвал его по кличке Виталий, затем повернувшись к Арслану, спросил:

– Ну что, Арс, картошки взял?

– Да взял, как и договаривались, и соль взял – ответил Арслан, высыпая на траву десятка два средних картошин.

– Хорошо, сейчас прогорит, и будем закладывать. Эх, класс! – потирая ладошки, сказал Виталий и, повернувшись к Алиму, спросил:

– А у тебя, Чари, что дома тоже не лады?

– Нелады, не то слово! Вчера пахан, так дрыном по спине долбанул, до сих пор болит, мы с соседом Валерой, немного вина «тягнули», так пахан, взбесился, хотя сам, блин, через день водяру хлещет! Вот теперь на глаза ему не попадаюсь, – ответил, Алим.

– Да! «кирдец», у всех значит дома облом – подытожил Виталий, затем как то загадочно добавил:

– И этот костёр должен эти обломы исправить!

– Не понял – уставившись на Виталия, спросил Арслан.

– Ладно, проехали, давай залаживай картошку, – вместо ответа, сказал он.

Вдруг Алим предложил:

– Может, бухнём? Чё, закусь уже есть!

– А «бабки» где? Или вы думаете, я смогу «домашняка» взять? Это отпадает, мать всё вино под замок убрала – возразил Виталий.

– У меня часы есть, они правда не ходят, но за трояк в мастерскую сдать можно – сказал Алим, и достал из кармана часы «Восток», без ремешка, в жёлтом корпусе.

– Ну что бухнём!? – уже настойчивее предложил Чари, на два портвейна 13 хватит, и ещё мелочь на «закусон» останется.

– Время наверно уже около семи, не успеем купить, а позже не продадут, – с сомнением, сказал Виталий.

– Всё решим, наша соседка, тётка Марийка, в гастрономе «Заря» уборщицей работает. Она купит, лишь бы «бабки» были. Ладно, ты пеки картофан, а мы с Арсом всё сделаем, давай, жди! – с азартом в глазах, сказал Алим, погнажи Арс, успеем!

Они пошли. По звуку удаляющихся шагов, было слышно, насколько быстро они идут. Когда прогорело, Виталий, разгрёл угли, и заложил в костёр картошку, поверх обратно засыпал углями, затем уселся поудобнее, и стал наблюдать как под лёгким ветерком, переливаются разным цветом угли. Ярко-красный цвет, вдруг сменялся зеленоватым оттенком, потом вдруг зеленоватый, сменялся на сине-фиолетовый, потом вновь ярко-красный, так наблюдая за этими

переливами, и задремал. Его разбудили приближающиеся голоса ребят. Алим, со смехом, что то громко говорил, Арслану, тот тоже смеялся. Они подошли к костру, у каждого в руках по большому бумажному кульку, внутренние карманы оттягивали бутылки с вином.

– Чё, заждался, Вит? Мы этому индюку, часы дважды спихнули, и не по тройку, а по пятёре! – смеясь, хвалился Алим.

– Это как, дважды? – не понял Виталий.

– Пока я ему втулял, Арс незаметно мизинчиком, спихнул другие часы, немного походили, и снова подошли, сдали и их, вторые. В общем, почти червонец сбили.

Они развернули кульки, уложив содержимое сверху.

– А ты Чари уверен, что часы простые были, без позолоты? А то и вообще может золотые, на них ведь даже окиси не было. То-то этот часовщик и сделал вид, что не заметил, что вы проделали, чтобы вы, как бы в плюсе остались. Эх ты, ухарь! Думаю, как ты его назвал, этот индюк, в более серьёзном «наваре» оказался!

– А что ты раньше ничего не сказал? – расстроено спросил Алим.

– Ладно, не парься, это я просто предположил, скорее они напылённые, а за них больше и не возьмёшь – успокоил он Алима, сам стал смотреть, что они накупили.

– Ничего себе, колбаса, сыр, солёные огурцы, ... ого... гуляем! Сейчас ещё картошку достану, и полный абзац будет.

– Это ещё не полный! – Чари достал раскладной стакан, с надписью «Туапсе», скорее всего привезенный, когда то с моря его родителями, и резким движением раскрыл его, с возгласом:

– Опачки! А вот теперь полный!

Они выпили по полному стакану вина, и стали с аппетитом закусывать.

– Почему то у костра всё всегда вкуснее, – прожёвывая, сказал Арслан.

– Конечно клёвее, особенно когда печеную картошку вместе с брынзой жуёшь – добавил Чари.

– Это всё конечно ништяк парни, но на каждый вечер, у Чари часов не будет! – откусывая огурец, сказал своё Виталий, надо подумать, как бабки доставать.

– Почти каждый день, после работы, в заготбазе играют в «секу», можно на пару сыграть, вдруг подфартит! – наливая вино, предложил Арслан.

– Нет, не катит, серьёзно с нами играть никто не будет, скажут, что пацаны ещё. Да и не шутка это, как я понял, ты про заготовителей говоришь, да Арс? Да и входные там приличные, – возразил Виталий.

– Можно машины разгружать, тройк газончик, – предложил Чари.

– На такие бабки не разгульванишься, – подытожил Арслан.

– Почему? Если машин пять, шесть, то нормально будет, – не согласился с ним Чари, на вечер погулять точно хватит!

– Мы там не одни же будем, в заготбазе всегда полно желающих шабашку сбить! – возразил в ответ ему Арслан.

– Ладно, давайте так, завтра в заготбазу часиков в девять подтягивайтесь, а там видно будет – поставил точку в их споре Виталий.

Они ещё долго сидели, весело болтали, что то вспоминали из детства, заливаясь смехом. Но больше всего рассказывали об увиденных фильмах, прошедших совсем недавно в прокате, «Всадник без головы», «Земля Санникова». Фантазировали по поводу этих фильмов. Домой они разошлись совсем поздно, пропахшие дымом и дешёвым вином. Не могли они знать, что там, у ночного костра, словно огромная чёрная птица, своей когтистой лапой, беда подцепила двух из них, и как они не будут пытаться вырваться из этой хватки, всё будет напрасно, так как эта когтистая лапа, будет казаться им заботливой рукой. И как горько будут жалеть родители, что не нашли к ним вовремя нужный подход, не сказали правильных слов. Ну, а пока, подвы-

пившие, они шли домой, на ходу придумывая, что скажут дома, как будут выкручиваться, если родители учуют запах спиртного.

Глава 8

В девять часов, как и договаривались, они собрались во дворе заготбазы. В стороне от погрузочной платформы, под большими деревьями дикой черешни, кружком сидели заготовители и играли в «секу», на деньги. Слышно было, как они иногда спорили. Виталий, Арслан и Чари подошли к играющим, и стали наблюдать, как те играют. Вдруг один из заготовителей, по имени Хачим, очевидно проигравший, зло рявкнул:

– Что надо? А ну валите отсюда!

– Не ори, мы, что мешаем, кому-нибудь? – ответил ему Чари.

– Ты слышь, тон смени, мы, что тебе пацаны какие!? – распаяясь, взорвался Виталий, поддерживая Чари.

Заготовитель не рискнул дальше втягиваться в сору с тремя крепкими молодыми парнями, замолчал и ничего больше не сказал. И, тем не менее, ребята отошли от играющих.

– Теперь шабашки не видать, этот козёл настроит всех против нас, к разгрузке и близко не подпустят, короче, «бабок» сегодня нам не видать, – расстроено сказал Арслан.

Но он ошибался. Их резкое поведение, наоборот вызвало кое у кого уважение. Спустя минут пятнадцать заготовители закончили играть, и стали расходиться, кто в холодильное помещение, кто в контору. К ним подошёл один из заготовителей. По имени его, почему то никто не называл, все обращались к нему по странной кличке «заяц».

– Я вижу, ребята у вас много времени, может, тогда вагон с луком загрузите, только грузить будете вечером, где то в восемь, девять часов, оплата хорошая, деньги сразу, сам лично в руки отдам, ещё по сетке лука возьмёте. Если согласны, то часиков в пять, сюда подтягивайтесь, можете еще, кого-нибудь взять, легче будет грузить вагон, – предложил он.

– Да, конечно, мы согласны, вечером будем как часы, всё сделаем, – наперебой соглашались они.

– Тогда хорошо, кто из вас старший?

Ребята не ожидали такого вопроса, переглянулись, пожав плечами.

– Все наверно главные! – иронично ответил Чари.

«Заяц» внимательно посмотрел на каждого, затем достал из кармана две пятирублёвки, протянул их Виталию со словами:

– На рыжий, это аванс! Всё до вечера, давайте!

«Заяц» развернулся и пошёл к своей тёмно-зелёной «волге», стоявшей у холодильного цеха.

– Я не рыжий! – крикнул ему вдогонку, Виталий.

– Ну, белый – поправился «Заяц», при этом сделав характерный жест, мол, всё хорошо.

– Вит, да чёрт с ним, пусть хоть сто раз рыжим называет, тут не хилые «бабки» рисуются! – обрадованно сказал, Арс, хлопая Виталия по плечу.

– Русый – это совсем не рыжий, совершенно разные цвета – глядя на деньги, сказал Виталий, затем уже спокойно добавил:

– Ладно, живём, червонец есть! Думаю, вечером будет намного больше.

– Погнали в Язу, пивца попьём – предложил Чари.

– Нет туда нельзя, там мой пахан часто бывает, и твой, Чари, не редко захаживает – возразил Арслан.

– Ладно, погнали пока на поляну. А может, просто по трёшке раскинем? – сказал Виталий.

– Давай раскинем, а вечером после разгрузке будем уже решать, что, да как!? – согласился Чари. – Давай! – также согласился Арслан.

В заготбазу они пришли намного раньше пяти часов, уселись, где обычно сидели все, под дикой черешней, и стали от скуки втыкать в землю ножички. Ровно в пять, во двор заготбазы въехала на скорости тёмно-зелёная «волга», из неё вышел «Заяц», и направился к ним.

– Смотри, точно в пять, вовремя, прям как немец – подметил Виталий.

– Пойдём навстречу, а то неудобно как то, всё-таки старший, – сказал Арслан.

– Нет! Сидим на месте, тут уже врубаются другие понятки, обычаи теперь не при чём – возразил Чари.

Подошёл «Заяц».

– Уже здесь? Молодцы! Уважаю точность. Так! Деньги я тебе давал? – обратился он к Виталию, будешь в делах старшим, мне так удобней будет, путаницы меньше. Вот знаешь что это такое? Это пломбир, ставить понятно чего ... пломбы на вагоны, а это пломбы – и он достал из портфеля маленький мешочек со свинцовыми кругляшками, вот проволока, её продаваешь вот в эти дырочки на пломбе, скручиваешь, потом пломбу сдавливаешь сильно пломбиром, всё просто. Понял, а? Не рыжий! Теперь скажите ваши имена, и домашние адреса.

– Понять то понял, только зачем нам этот пломбир, и адреса наши зачем? – спросил Виталий.

– Будем работать по настоящему, я вам верю. И вы должны мне верить, тогда у вас будут нормальные «бабки», а у меня не будет лишних проблем, постоянно кого-то искать, всё время проверять хорошие ли люди – объяснил «Заяц».

– Меня Виталием зовут, я живу на улице Промышленной, это Алим, живёт на улице Железнодорожной, а это Арслан, тоже с Промышленной, – рассказал про всех Виталий.

– Тебя я знаю, ты брат нашей бухгалтерши Люды, – показывая на Арслана, сказал «Заяц», потом повернувшись к Виталию, уже подытожил:

– Значит все рядом живёте, это очень хорошо, даже замечательно, столько времени экономить будем. Так всё на, держи пломбир, когда закончишь погрузку, сразу ставь пломбу, и так всегда делать будешь, но до этого, что нужно сделать?

– Посчитать, чтобы знать, сколько в вагоне груза! – по-военному шутя, парировал Виталий.

Но тут, вдруг, в лучах заходящего солнца, у «Зайца» над головой, появился огненный знак, совсем внезапно. Огненный человек вверх ногами, в каком-то коробе, и ещё каких-то пару линий, точнее рассмотреть не получилось, мешало солнце. У Виталия всё сжалось внутри.

«Заяц» продолжал говорить о деле:

– Обычно вагон стоит загрузить 45 рублей, я буду вам платить 90 рублей, это за то, что вечером, плюс за пломбу ещё 10, итого столько, но если загрузка будет после 12 ночи, тогда 150 рублей. Всё, давайте в «волгу», на загрузке будете ждать машины, – пояснил по оплате труда «Заяц».

Все уселись в «волгу», «Заяц» резко, с визгом шин, рванул с места. Ребята довольные смотрели, как мимо мелькают дома, деревья, прохожие. Доехали быстро. Пока ехали, Виталий усилием воли отогнал от себя все мысли о знаках, не подал не малейшего вида. Всё будет хорошо, эти знаки просто так, не обязательно же они должны, что то значить? Всё нормально.

– Всё давайте, с последней машиной я приеду, рассчитаюсь – сказал напоследок «Заяц», и также лихо умчался.

Минут через двадцать, переваливаясь на неровностях как жирные утки, скрепя рессорами, на погрузочную площадку, въехали один за другим, пару гружённых доверху «газонов». Ребята открыли вагон, откинули пристёгнутые к стенкам поддоны, и начали таскать сетки с луком. Сетки были хоть и не очень тяжёлые, 25 – 30 кг, но пыльные, и неудобные, тонкие нити сеток впивались, сильно надавливали руки. Но больше всего доставала пыль, при скидывании мешка с плеча, каждый раз поднималось облачко пыли, а респираторов не было, никто о них и не подумал. Уже после первой же машины они очень пожалели, что не взяли перчаток и

респираторов. Так что легко выкидывать сеточки, как они предполагали, не получилось, перчатки пришлось взять в займы у водителей, а на респираторы, пошла майка Чари. В одиннадцать часов ночи Виталий опломбировав вагон. Уставшие, все в пыли, они уселись на лежавшее вдоль погрузочной платформы бревно, служившее одновременно ограничителем, чтобы водители не наезжали на шпалы. Долго ждать не пришлось, через считанные минуты после пломбировки, приехал «Заяц», проверил пломбу, светя на неё фонариком, затем подошёл к ребятам, и протянул деньги, сказал:

– Молодцы, мужчины! Вот, как и обещал, столярник! Всё, я поехал, на той неделе будет два вагона, или даже три, так что с «бабками» у вас проблем не будет, главное только работайте.

«Заяц» как всегда лихо умчался, подняв пыль. Виталий разделил деньги, и довольно, сказал:

– Ну, вот по 33 рубля за вечер, мужики на производстве по 40 рублей аванса получают за половину месяца! А мы за раз по столько!

– Да! Жаль поздно уже, да и грязные мы, а то можно было в новый бар, на улице 9 мая сходить, – сказал Чари.

– Завтра пойдём! – хлопнув его по плечу, сказал Арслан.

От хлопка, с рубашки Чари, поднялось облачко пыли. Все громко расхохотались.

– Я тоже не против, – согласился Виталий, и пропел слова песенки из мультика:

– Мы славно поработали, и славно отдохнём!

На следующий вечер, как и договаривались, пошли в новый, недавно открывшийся бар. В большом просторном зале был полумрак, негромко играла музыка, посетителей было не много. За столиками сидела в основном молодёжь, до армейского возраста, были, конечно, и старше, но их было значительно меньше. Виталий с ребятами прошли в самый дальний угол зала, купили несколько бутылок шампанского, так как другого вина в баре, почему то не оказалось. С хлопком открыли шампанское и налили в длинные тонкие стаканы, на которых почему то были изображены новогодние ёлочки.

– Ну что, за первую нашу большую шабашку! – предложил, Виталий.

Выпили, стали говорить о разных пустяках. После очередного стакана с шампанским, Чари вдруг сказал:

– Что-то всё очень гладко, так не бывает!

– А ты, что подражаться хочешь? – спросил его Арслан.

– Нет! Я не о том, я про «Зайца» имею в виду, кидняка не будет, слишком как то всё хорошо, – с беспокойством спросил Чари.

– Да ладно вам! Кайфуйте, пока кайфуются! – прервал их разговор Виталий, потом добавил:

– Нам раньше было слишком плохо, теперь хорошо, вот ты Чари и волнуешься, всё давай забыли!

Арслан встал, и пошёл к бармену, что то оживлённо с ним говорил, вернулся ещё с двумя бутылками шампанского, ставя их на стол, сказал:

– Сейчас музон хороший будет, бармен сказал, что новинка, я ему тройка зарядил.

– Зачем? Рано или поздно, он бы и так поставил эту пластинку – упрекнул его, Виталий.

Разговор их перебила заигравшая музыка, играла нашумевшая на тот момент пластинка с песнями Тухманова, называлась она «По волнам моей памяти». В зале стало намного тише, все прислушивались к словам этой песни. Дальше эту пластинку ставили ещё несколько раз, так что к концу посиделок, слова этой песни, были почти выучены, и с лёгкостью напевались. Ближе к 23 часам, музыка была выключена, и бармен громко крикнул в зал, что бар закрывается. Ребята встали и пошли на выход. Поход в бар им понравился, ещё много раз они будут приходить сюда, послушать новую музыку, выпить марочного вина, они будут так легко тратить деньги, заработанные таким тяжёлым трудом. Не думая, что это всё может закончиться в

любой момент, не осознавая, что этот бар, есть одно из опаснейших мест их города, что ещё не один молодой человек, будет зарезан в пьяной разборке, пока по настоянию старших, этот бар не закроют. Но пока они шли довольные, счастливые, шутили и смеялись, не думая не о чём, им было просто хорошо. После двух вечерних загрузок, вагоны, почему то стали подавать только ночью. «Заяц» для удобства, отдал ключи от своей «волги» им, а вместе с ключами и все заботы о грузе. Ребята сами взвешивали на грузовых весах машины в заготбазе, сами их сопровождали до грузовой платформы, в общем, делали почти всю работу за заготовителя. Они как угорелые носились на волге «Зайца» по городу, от заготбазы до вокзала, и обратно, за вечер по несколько раз. ГАИ не боялись, знали, что у «Зайца» там всё схвачено, и давно заплачено. Теперь они поняли, почему «Заяц» ездил так быстро, и почему его прозвали «Зайцем», за быстроту, быстрота как счётчик приносила ему деньги. Это быстрота, а вернее ночные погрузки, стали и им приносить деньги, почти после каждой ночи, у них в кармане оседало по соточке, а то и больше, а это тогда были очень хорошие деньги. Помимо денег у них скапливалось немало лука, чеснока, яблок, всё продавалось, что приносило тоже прилично рубликов. Они осмелели, иногда машины не доходили до погрузки и шли «налево», продавались за полцены «корейцам», а в вагоны в свою очередь загружались «левые» машины прямо с полей, гораздо за меньшую сумму, разницу забирали себе. Ребята стали транжирить деньги, в дни, когда не было работы, они брали такси, и катались по соседним городам, Минводы, Кисловодск, Ставрополь. Но чаще всего приезжали в аэропорт Минводы, за 100 км, чтобы купить в тамошнем баре, дефицитного растворимого кофе, заморских фруктов бананов, апельсинов, или ещё чего-нибудь, а то и просто посмотреть, как взлетают самолёты. Все трое купили на рынке – толкучке, по американским джинсам, высокие сапожки «пилот» на трудно стираемой подошве, модные рубашки с откидным воротом, в общем, всё самое дорогое и модное на тот момент. И вообще покупали разные дорогие безделушки, зажигалки, фирменные брелоки, все, что дразнило глаз, покупали дорожные импортные вина, ради того, чтобы просто их попробовать. В общем, тратили, лишь бы потратить, им и в голову не приходило, что деньги можно тратить с умом, с делом.

Приближалась осень, а с ней и резкие перемены в их жизни. Как оказался прав Чари, когда сказал, что слишком всё хорошо, что гладко, так не бывает. Так оно и вышло. В один из вечеров, когда они как всегда неслись по вечернему городу, в сторону вокзала, на погрузочную платформу, у самого въезда в вокзал, их остановил инспектор ГАИ.

– Что делать? Прав нет, документов на машину тоже нет – обеспокоено сказал, сидевший за рулём, Арслан.

– Стопори, пусть «Заяц» сам с ними разбирается, – сказал Виталий, опуская стекло.

Инспектор быстро подошёл и в приказном порядке сказал:

– Езжай к дому Бададьби!

– Куда? – непонимающе спросил Арслан.

Милиционер раздражённо выпалил:

– Ты что, не знаешь, на чьей машине катаешься? К дому «Зайца» езжай!

– Мы ещё загрузкой заняты, а что случилось? – спросил Виталий.

– Потом загрузите. Бададьби сегодня убили! – ответил инспектор.

Арслан быстро развернул машину, и поехал по направлению к дому «Зайца». Всю дорогу ехали молча, эти слова, сказанные гаишником, обескуражили их, как бы придавили к земле. Ещё издали, по скоплению людей было ясно, что действительно случилась беда. Арслан остановился, не доезжая, на обочине дороги, предательски запищали тормоза. Толпа повернулась в их сторону.

– Вот блин! – раздражённо выругался Арслан, как нарочно!

Пока выходили из машины, вся толпа смотрела на них, у некоторых было такое выражение на лице, будто это они виновны в смерти «Зайца». Ребята прошли, и стали по обычаю у открытых ворот. К ним тут же подошёл брат «Зайца», тихо спросил:

– Вы во сколько последний раз видели Бададьби?

Днём, где то в час дня, он приехал, почему то раньше обычного, до этого всегда в 5 вечера приезжал, отдал ключи, дал нам задание, потом сел в подъехавшую синюю «шестёрку» и уехал. Да! Ещё сказал чтобы «волгу» у бухгалтерии оставили, а не на платформе – ответил Виталий.

– Сегодня около четырёх, его нашли в баке с водой, мёртвым, вверх ногами, соседка увидела его, крик подняла. Следов милиция не нашла, не мог же он сам, как ребёнок утонуть в баке с водой, да и зачем он туда полез бы!?! – мрачно сказал брат «Зайца».

– В бочке с водой? Переспросил Виталий.

– Нет! В поливочном баке, тот, что в огороде стоит, большой, на ножках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.